

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра немецкой филологии

Н. К. Данилова

**ДИНАМИКА ПОВЕСТВОВАНИЯ
(ОПЫТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА НАРРАТИВА)**

*Утверждено редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного пособия для магистров
(магистратура «Германские языки»)*

Самара
Издательство «Самарский университет»
2015

УДК 811.112.2

ББК 81.2Нем.

Д17

Рецензенты : д-р филол. наук, проф. В. Д. Шевченко,
д-р филол. наук, проф. С. П. Анохина

Данилова, Н. К.

Д17

Динамика повествования (опыт дискурсивного анализа нарратива) : учеб. пособие / Н. К. Данилова. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. – 50 с.

Учебное пособие включает содержание курса лекций «Прагматика дискурса». Предлагается авторская методика исследования повествовательного процесса, разработанная с использованием процессуального анализа, в основу которого положена концепция матричной организации прагматики высказывания.

Предназначено для магистров 1–2 курсов направления подготовки «Германские языки».

УДК 811.112.2

ББК 81.2Нем.

© Данилова Н. К., 2015

© ФГБОУ ВПО «Самарский

государственный университет», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Субъективность языка и интерсубъективность языковой (практической) деятельности	6
Полисубъектность высказывания в дискурсии	10
Субъект высказывания как «точка зарождения смысла»	13
Стратегии «коммуникативного сотрудничества» участников общения	18
Прагматическая матрица акта рассказывания	21
Смена субъектных перспектив (Perspektivenwechsel) в акте рассказывания	31
Литература	46
Источники фактического материала	48
Приложение	49

ВВЕДЕНИЕ

Попытки разгадать секреты создания и воздействия художественного текста предпринимались многократно, возможно, они так и останутся волнующей тайной, но это не лишает ученых надежды. Предпринимая одну из таких попыток, мы обращаемся к *акту рассказывания*, той содержательной сфере художественного текста, которая редко осознается в процессе чтения. В этом кроется, на наш взгляд, одна из причин недостаточной полноты существующих интерпретаций, так как чтение и письмо объединены в рефлексивной деятельности понимания, и их невозможно рассматривать отдельно в ходе анализа. Исследуя то, что открыто нашему взору, мы оставляем вне внимания то, что автор сообщает нам между строк. Это неявное составляет саму суть художественного сообщения, автору предстоит в акте рассказывания раскрыть секреты возникающего «возможного мира», сообщить о своем собственном видении событий, с собственными заблуждениями и сомнениями, понятными лишь читателю, способному вступить в диалог с авторским миропониманием.

Основным вопросом, ответить на который необходимо для понимания того, как рождается художественное сообщение, является сформулированная Ю.М. Лотманом проблема противопоставленности языка с его содержанием и выражением миру, лежащему вне языка [Лотман 1992: 8]. Как формируется языковое пространство нарратива, в котором возникают «смыслы, которых прежде не было»?

Одновременно с вопросом о роли языка в процессе моделирования художественного мира существует проблема «интеллектуальной динамики» этого комплекса событий. Существует ли методика анализа, дающая возможность проникновения во внутреннюю логику повествования?

Делая шаги в этом направлении, мы отдаем себе отчет в том, что доказательства нашим рассуждениям и выводам могут быть получены только путем подробного анализа авторского сообщения, именно поэтому центральной темой нашего исследования станет динамика повествования, направляемая актом рассказывания, в котором «структура повествования накладывается на нашу речь» [Лотман 1992: 61]. Предлагаемую нами методику исследования мы определим как *процессуальный анализ*, а, принимая во внимание направление развертывания процесса повествования, обозначим ее как *линейный анализ*. Нам предстоит шаг за шагом продвигаться по тем «тропам, по которым двигалась мысль автора», и совершать вместе с ним удивительные открытия, делающие этот путь путем познания.

Языковая деятельность всегда ориентирована на решение коммуникативных задач в процессе общения, художественная коммуникация не является в данном случае исключением. Вместе с тем дистанцированная коммуникация делает эти цели менее очевидными, в ней основная роль отведена рефлексивному диалогу, имеющему целью достижение согласия от-

носителем определенного знания о связях в объективном и социальном мирах. В процессе понимания способность участников художественного диалога вступать во взаимодействие опосредована значительным количеством факторов, осложняющих общение. Вопрос, на который мы попытаемся получить ответ, может быть сформулирован следующим образом: в какой мере формирующееся в акте рассказывания сообщение отражает воздействие внешних (интенциональных, связанных с личностью субъекта речи) и внутренних (системных, языковых) факторов на динамику языкового пространства повествования?

В центре внимания будет один из таких факторов, *субъект высказывания*, в котором как в фокусе сходятся все смысловые линии изложения, в нем находит отражение выбор, совершаемый автором в процессе рассказывания. Субъект высказывания выступает как основная языковая ипостась автора, реализации которой служат разнообразные языковые средства, но наиболее гибким и успешным инструментом для выражения авторской мысли остаются местоимения, которым удается сохранить анонимность автора, соединив ее с глубиной и активностью авторского сознания.

Основой наших размышлений о структуре художественной коммуникации станет идея Ю. Хабермаса относительно существования «грамматики языковой игры», которая определяет условия достижения согласия на основе языка. Правила языковой игры предполагают, что ее участники используют примеры языкового поведения (индуктивная интерпретация) [Habermas 1984:72]. Вслед за Л. Витгенштейном, Ю. Хабермас утверждает понимание языковой игры как системы идеальной коммуникации, лежащей в основе социального взаимодействия и определяющей его успех. Для нас изучение грамматики языковой игры означает возможность представить ее правила как своего рода алгоритмы вербального поведения индивидуумов, сформировавшиеся в дискурсивных (языковых) практиках и регулирующие взаимодействие участников общения. В центре внимания находятся правила нарративной языковой игры, отличающиеся, по нашему мнению, большей вариативностью и разнообразием по сравнению с языковыми играми в других коммуникативных практиках.

Основным качеством языковой игры является ее *субъективность* наиболее полно представленная системой личных местоимений, одной из ядерных микросистем языка. Другое важное свойство языковой деятельности может быть определено как *интерсубъективность*. Ю. Хабермас признает обязательным условием коммуникации *интерсубъективную значимость* понимаемого. Лишь в процессе обмена информацией субъекты способны конституироваться в качестве действующих участников общения, таковыми их делает наличие коммуникативной компетенции.

Парадоксальное отношение интерсубъективности (признание идентичности субъектов при их обязательном различии) вводится системой личных местоимений, в которой находит отражение отношение идентич-

ности / неидентичности Я и Другого, именно это обстоятельство, по мнению Ю. Хабермаса, определяет необходимость исследования *логики употребления личных местоимений* [Habermas 1984: 72].

Итак, *субъективность* языка, наиболее явно представленная системой личных местоимений, *логика их употребления*, отражающая *интерсубъективность* языковой деятельности, являются теми понятиями, к анализу которых мы обратимся в последующем изложении.

Субъективность языка и интерсубъективность языковой (практической) деятельности

Представление о существовании особых знаков для субъекта речи формируется в середине 20 века, когда исследование языковой семантики выявляет существенные различия в функционировании языковых единиц с полнозначной семантикой, с одной стороны, и указательных слов (дейкси-са), значение которых зависит от ситуации и контекста употребления, что позволяет им следовать намерениям говорящего субъекта.

Предположение о существовании реализуемой в речи системы средств «регулирования перспективы мысли», включающей различные операции со смыслом, было впервые выдвинуто К. Бюлером [Бюлер 2000: 118]. В создаваемом в процессе употребления языка *«грамматическом пространстве»* находит отражение, по мысли К. Бюлера, то, как возникает и оформляется «намерение передать другому нечто новое, вновь открытое, или кажущееся таковым». Условием этого, по мысли К. Бюлера, является существование в языке *системы координат речевого акта*, получившей название системы ориентации субъекта (Origo-System), используя которую, субъект «помещает» себя в ситуацию действительности, ориентируя сообщение с учетом своего положения в пространстве и времени.

Дейктические знаки выступают в качестве внутренних «нитей», связывающих событие с дейктически заданным местом, отмечая либо («точно») факт совершения события, либо указывая направленность события к месту, ими обозначенному, или в удалении от него, и обеспечивая точную интерпретацию языковых высказываний. Выступая в качестве «опор для конструирования и понимания» дейктические знаки участвуют в организации «троп, по которым необходимо идти сознанию» в процессе восприятия сообщения [Бюлер 2000: 141].

Проблема языкового антропоцентризма получает развитие в созданной Э. Бенвенистом теории высказывания как *способность говорящего представить себя в качестве субъекта и воссоздать в процессе вербализации условия общения* [Бенвенист 1998: 293]. Язык, считает Э. Бенвенист, создал серию «пустых» знаков, свободных от референтной соотнесенности с реальностью, всегда готовых к употреблению и становящихся «полными» знаками, как только говорящий вводит их в протекающий акт речи.

Сама возможность языка, по мнению Э. Бенвениста, дана по той причине, что каждый говорящий способен представить себя в качестве субъекта, указывающего на себя как на «Я» в своей речи, в силу этой способности язык может конституировать другое, внешнее по отношению к говорящему лицо, к которому говорящий обращается на «Ты». Полярность лиц образует в языке основное условие протекания коммуникации, но она не означает ни равенства, ни симметрии обоих полюсов, так как «Я» всегда занимает трансцендентное положение по отношению к другому полюсу коммуникации, находясь с ним в отношениях взаимодополнительности и в отношении взаимобратимости [Бенвенист 1998: 294].

Существенным моментом в формирующихся представлениях является понимание глубинной сути языковой субъективности. Субъективность в логическом смысле представляет собой качество языковой деятельности, заключающееся в принципиальной способности субъекта речи быть субъектом сознания (познания, чувств, ощущений и восприятия) и субъектом действия (агентом). В лингвистической перспективе речь идет о языковом проявлении деятельности говорящего субъекта, так называемой *локутивной субъективности*, связанной с актом высказывания [Лайонз 2003:354].

Замечательная особенность семантики личных местоимений заключается в их способности создавать проекции к внешнему миру. Референтная отнесенность высказывания, по Бенвенисту, носит изначально двойственный характер, благодаря тождественности референции в действиях партнера, находящегося с субъектом говорения в «*прагматической согласованности*», в непрерывно длящемся настоящем акта высказывания, как в форме речи, действуют две противопоставленные «фигуры», источник и цель высказывания [Бенвенист 1998: 317]. Использование в этом процессе «контактоустанавливающих» языковых форм, уже «не являющихся способом мыслить, но остающихся *способом действия*», выделяет предназначение дейксиса, который сам по себе является способом делать «сейчас» реальным, вводя речевое сообщение в действительность. Индивидуальный акт речи выступает тем самым, с одной стороны, как процесс присвоения языка, с другой, как постулирование собеседника.

Выделение в инвентаре языка особого класса слов, обслуживающих коммуникативную деятельность, привлекает внимание еще к одному обстоятельству, которое не получило достаточного развития в ситуативной теории К. Бюлера и теории высказывания Э. Бенвениста. Функционирование системы ориентации субъекта обусловлено тесной связью личного, пространственного и временного значений и их способностью служить взаимному определению, по сути, речь идет о *системных* семантических проекциях личного местоимения Я. Первичная «система отсчета» (Origo) создается как функция от трех переменных: говорящего, времени сообщения, позиции говорящего, что позволяет говорить о ней, как о форме, семантика которой определена ее участием в различных видах деятельности.

Персональная, локальная, темпоральная координаты не имеют протяженности и связаны с точкой, исходя из которой, можно определить все дальнейшие спецификации системы отсчета.

В итоге очевидным становится факт системной организации *локутивной субъективности*, ядром которой является система ориентации субъекта (Origo-System). Онтологическая системность дейксиса позволяет этим знакам выступать в роли исполнителей речевого действия («операторов иллокуции») (функция дейксиса как средства, способного служить осуществлению акта высказывания вне пропозиционального содержания была выделена уже теорией речевых актов [Searle 1976: 43,51]).

Местоимения получают определенность в пределах перцептивного пространства или в позициях в речевом потоке (что служит основанием для разграничения дейктической и анафорической функций). Первичность коммуникативного значения для местоимений традиционно рассматривается как источник и причина формирования дополнительной структурной (заместительной, анафорической) функции, благодаря чему местоимения становятся средствами фокусировки сообщения. Именно анафора рассматривается как средство реализации стратегий формирования дискурсивной структуры [Крылов, Падучева 1992: 226].

Оценка референтной соотнесенности дейксиса, как мы имели возможность убедиться, демонстрирует полярные точки зрения, от трактовки дейктической референции как обладающей бесконечно малым (актуальный акт высказывания) или бесконечно большим объемом («пустые» знаки). В разнообразии представлений о референтной природе дейксиса отражена существующая до настоящего момента неопределенность, касающаяся самой сути этих уникальных языковых средств.

Действительно, остается неясным, к чему же осуществляется референция: к говорящему лицу или к моменту речи, что уже не может ассоциироваться только с говорящим, но должно учитывать процесс порождения речи, место и время произнесения, или же речь идет об опосредованном соотнесении объектов с говорящим и актом речи.

Возможное решение этой проблемы было предложено Э. Бенвенистом, который предложил различать акт порождения формы и собственную референцию языкового знака. Внутри системы средств, описывающих коммуникативную ситуацию, действуют отношения двойной детерминации – все эти средства определяются только по отношению к единовременному акту речи и все они находятся в зависимости от «Я», высказывающегося в данном акте [Бенвенист 1998: 296]. В процессе использования этих знаков совмещаются два единовременных акта - акт производства формы «Я» и содержащий это «Я» речевой акт, представляющий собой по отношению к реферирующему «Я» – реферируемое.

Высказывание, содержащее «Я», обладает особым модусом, названным Э. Бенвенистом *прагматическим*, который включает в процесс ис-

пользования знака тех, кто ими пользуется. Местоименные формы соотносятся не с объективным положением в пространстве и времени, а только с единственным актом высказывания, включающим эти формы, что позволяет им служить основной цели, коммуникации. Обретая семантическую «полноту» в акте речи, дейктические знаки служат инструментом для осуществления процесса, который Э. Бенвенист назвал «*обращением языка в речь*».

Двойственная референция дейксиса, *символическая* (экзистенциальная) и *индексальная*, характеризующая этот класс слов как уникальные *референциально-перформативные знаки*, активно используется в коммуникативных практиках. Семантические проекции местоименной системы ориентации связывают высказывание с «положением дел», с одной стороны, и со структурой коммуникации, с другой. В этом процессе в полной мере проявляется функциональная природа местоименной системы ориентации, т.е. способность следовать интенциям говорящего субъекта, выстраивая одновременно связи с адресатом.

Универсальность дейксиса делает его важнейшим инструментом дискурсии, благодаря сочетанию в нем предназначения вводить *когнитивные схемы ориентации* и служить в качестве *языковых опор для ориентации в потоке речи*. В этом процессе обнаруживается исключительная семантическая емкость этого знака, определенная способностью этих знаков, транслировать опыт с помощью значений, реализующих определенные концептуальные структуры [Krusche 1998: 67]. Создаваемая с его помощью в тексте «ориентация на Другого» (*Alterität des Textes*) выступает как основа для понимания.

Функционирование дейксиса в событии общения определено регулирующим систему отношений внутри него *реляционным принципом*, суть которого Г. Вайнрих видит *в зависимости явлений речи от системы ориентации наблюдателя* [Weinrich 1993: 91].

Дейксис принадлежит, согласно Г. Вайнриху, к общему классу синтаксических морфем, служащих созданию «сети референций» к коммуникации. Отличие дейксиса от других «сигналов ориентации» заключается в его особой связи с процессом порождения и восприятия высказывания, проявляющейся в способности служить интеграции двух основных планов высказывания, *семантического* («структуры действия») и *прагматического* («структуры коммуникации»).

Современное понимание референции, развиваемое в дискурсивном анализе, видит в ней проявление *коммуникативного сотрудничества*. Акт референции рассматривается в этом случае как коллективное действие всех участников общения, использующее конвенциональные языковые знаки для указания на актуализируемый реальный или гипотетический «мир» с целью установления и/или поддержания интерсубъективности, которая является незыблемым основанием референции [Макаров 2003: 122].

Субъективность, признанная традицией как основное структурное свойство языка, и *интерсубъективность* как функциональное свойство, обусловленное социальной ролью языковой деятельности, определяют обусловленность интерпретации местоименной семантики целями языковой игры, пространством которой становится в нашем случае, акт рассказывания, использующий свойства языковых единиц для формирования художественного сообщения.

Система ориентации образует, если подвести итоги сказанному, основу коммуникации, выстраивая структурный и семантический планы речи, благодаря полифункциональности и «пустоте» семантики создающих ее личных местоимений.

Релятивная природа местоименной семантики приспособлена для обслуживания коммуникативного диалога в условиях художественной коммуникации, о которой Ю.М.Лотман замечает следующее: «Разделение на исполнителя и зрителя (...) создало совершенно новую, внутренне противоречивую ситуацию: исполнитель для меня «он», но я передаю все его речи и чувства моему «я». (...) Я передаю «сцене» функции третьего лица: все, что можно увидеть, я передаю другому лицу (ему), а все, что остается в сфере внутренних переживаний, я присваиваю себе, выступая как воплощение первого лица» [Лотман 1992: 62-63].

В рефлексивную языковую игру в нарративе включается еще одно, связанное с использованием языка свойство языковой семантики, *полисубъектность*, производная от интегративной природы речи.

Полисубъектность высказывания в дискурсе

Функционирование дейксиса в нарративе рассматривается в современных исследованиях как подчиненное нормам повествовательной организации. Прочтение дейктической семантики ставится Е.В. Падучевой в непосредственную зависимость от режима использования, что позволяет разграничивать речевой, и синтаксический и нарративный способы использования дейктических знаков, различающиеся точками отсчета [Падучева 1996: 245]. Предлагаемое решение отводит дейксису роль средства, сигнализирующего об изменении сюжетного развития и, тем самым, об изменении стратегии говорящего субъекта.

Идея Е.В.Падучевой о существовании различных режимов интерпретации эгоцентрических элементов языка получает объяснение в факте существования феномена *полисубъектности*, свойственного высказыванию. Разграничивая субъект пропозициональной установки и субъект речи, Е.В. Падучева выделяет различные виды «референциальных исполнителей», способных выступать в качестве субъекта высказывания: а) *говорящего как субъекта дейксиса*, б) *говорящего как субъекта речи*, в) *говоря-*

щего как субъекта сознания, г) говорящего как субъекта восприятия [Падучева 1996: 262].

Нарративный режим рассматривается автором как характеризующийся использованием персонажа в качестве заместителя говорящего (что свидетельствует о неканонической ситуации общения). Представление о «наблюдателе» в системе понятий, свойственных концепции автора, связывается с внутренней точкой отсчета, свидетельствующей о синхронности ситуации [Падучева 1996: 144]

Обнаруженные Е.В.Падучевой корреляции между структурой контекста, обусловленной факторами говорящего или наблюдателя, и способами употребления языковых единиц и категорий, свидетельствуют об определяющей роли прагматических параметров в регулировании языковых процессов. В предложенной стройной концепции вместе с тем обращает на себя внимание факт определенной непоследовательности в трактовке фактора *наблюдателя*, который, располагаясь в одном ряду понятий с говорящим субъектом, постепенно смещается в позицию *субъекта восприятия*, или *перцептора* (что выделено связью с семантикой глаголов).

Соглашаясь с выводами Е.В. Падучевой об индексальной функции дейксиса в наррации, мы хотели бы, вместе с тем, предложить иную интерпретацию этих отношений, изменив направление детерминации, так как при существующем понимании индексальная (вторичная) функция предшествует экзистенциальной (первичной), обусловленной когнитивными процессами.

Представление дейксиса и других средств с эгоцентрической семантикой в качестве индикаторов контекстной обусловленности языковых действий вызвано, как нам кажется, в значительной степени когнитивной функцией этих знаков. Релятивные свойства системы ориентации субъекта помещают ее в прототипическую ситуацию речевого акта, связанную с субъектом речи. Современные исследования средств указания свидетельствуют, однако, о том, что функционирование эгоцентриков не всегда позволяет отождествить точку отсчета с говорящим, так как семантика высказывания свидетельствует о возможности «разделения» субъекта и его представления в качестве субъекта и объекта описания, что связано с выбором точки зрения не говорящего, но и *наблюдателя* [Кравченко 2004: 29].

Выделение наблюдателя часто свидетельствует, как уже было упомянуто, об очевидном отождествлении этой фигуры с субъектом восприятия (перцептором), что, на наш взгляд, требует последовательного разведения обоих понятий. Необходимость разграничения категории субъекта восприятия (перцептора) и наблюдателя (коммуникатора) вызвана тем, что в существующем использовании этого термина смешиваются различные способы употребления языковых знаков, отсылающие к разным контекстам, *психологическому (когнитивному) и речевому (свидетельствующему о связях с социальной ситуацией)* [Макаров 2003: 147]. В психологическом

контексте позиция перцептора отражает выбор позиции непосредственного восприятия событий и явлений, в речевом - позиция наблюдателя свидетельствует о выборе объективной установки по отношению к существующему «положению дел». Разграничение перцептора и наблюдателя позволяет развести два значимых для высказывания и дискурса как последовательности высказывания уровня, когнитивной и коммуникативной организации сообщения в структуре коммуникации в целом.

Когнитивная природа дейксиса получает подробное освещение в универсальной прагматике, выделяющей его особую роль среди прагматических универсалий, в числе которых : а) личные местоимения, б) обращения (вокативы, хоноративы), в) дейксис (время, место), указательные местоимения, артикли, числительные, кванторы (временные формы, наклонения), г) перформативы (императив, интеррогатив), д) не перформативно используемые интенциональные глаголы, модальные глаголы [Habermas 1984: 94-95]. Общее предназначение прагматических универсалий заключается в создании и представлении речевой ситуации, так, классы «а» и «б» вводят участников, класс «в» - параметры самой ситуации, «г» реализует отношение говорящего к высказыванию и отношения между участниками, «д» представляет интенции и переживания субъекта речи. В классификации Ю. Хабермаса отчетливо прослеживаются проекции прагматических универсалий к субъекту речи и ситуации общения.

Дейксис используется для репрезентации на языковом уровне *когнитивных схем, субстанции, количественности, места и времени*, что выделяет целостность их референта, представляющего собой, в отличие от референтов однозначных номинаций, как особо отмечает Ю. Хабермас, *определенным образом организованные множества*. Областью функционального определения дейксиса становится «ситуация», образующая своего рода «миропорождающий» контекст, связывающий «положение дел» с интенциями участников общения.

Способность дейктического знака быть аутореферентным, т.е. содержать отсылку к самому себе, или указывать на область референции того или иного объекта способом создания «фокусного интервала», характеристикой которого служит «выделенная актуальность в потоке речи» [Кошелев 1996: 182], превращает местоимение Я в одно из основных средств регулирования дискурсивных процессов.

Процесс ориентирования в коммуникации выстраивается следующим образом: устанавливая референтную соотнесенность с объектами, эгоцентрический субъект высказывания вслед за осуществлением процесса самоидентификации организует общение.

Субъект высказывания как «точка зарождения смысла»

Системность процессов ориентирования получает подробное описание в современной прагматике в терминах «*дейктического контекста*», определяемого как составная часть контекста высказывания, создающаяся вокруг «я-здесь-сейчас» говорящего. Средствами создания дейктического контекста являются местоимения, наречия и глаголы (единицы с эгоцентрической семантикой), которые, выполняя индексальную функцию, участвуют в организации «*пространства говорящего*», включая в него пространственные и временные ориентиры и обозначая место и время высказывания и место и время акта понимания и размышления [Лайонз 2003: 320].

Вводимая Дж. Лайонзом в научный обиход категория «дейктического контекста» позволяет сделать акцент на факторах, свидетельствующих о существовании выработанных языковой практической деятельностью «*способах действия*», определяющих успешное осуществление коммуникативно-познавательной деятельности индивидуумов (своего рода *алгоритмов вербального поведения*). Свойственные «дейктическому контексту» явления обладают различной степенью изменчивости, так, «я» и «здесь» в диалоге постоянно изменяются в зависимости от «смены ролей». Точка «здесь» определяется внутри темпоральной рамки каждым новым актом высказывания. В определение дейксиса вводится тем самым наиболее значимая для данного языкового явления характеристика, а именно: *векторный* характер его семантики, производной от условий общения и интенций субъекта речи.

В центре «пространства говорящего» располагается *эгоцентрический субъект «Я»*, который является формой представления воспринимающего, познающего и действующего субъекта, формирующего вокруг себя «возможный мир» (в исследовании местоимений как исходных структур в «*смысловых пространствах*» языка «Я» отводится роль субъекта, «*конструирующего ситуацию*» [Шведова 1998: 39]).

Сложность проблемы системности референции заключается в том, что контекст может содержать элементы и отношения, которые не определяются грамматическими правилами и знаниями языка [Филлмор 1988: 62]. Речь идет о модели ситуации, соответствующей множественности условий, содержащихся в семантике высказывания, и сводящей их одновременно к одному и тому же лицу (говорящему субъекту). Структура контекста, согласно Ч. Филлмору, определяется тремя основными факторами, *референцией, денотацией и контекстуальной спецификацией*. Существенным моментом остается решающая для действенности референции роль когнитивных процессов, определяющих успех понимания и взаимопонимания в процессе общения.

В способах референции находит отражение интерпретативная деятельность участников общения, обусловленная строением когнитивных

систем участников общения, фреймовой организацией их памяти и знания, что определяет процесс конструирования необходимого для референции ментального представления [Дейк, Кинч 1988:157-159]. Репрезентация действительности опосредована свойствами мышления и памяти, так как именно владение необходимыми структурами знания позволяет создателю текста формировать контекстные ожидания, прогнозировать определенные речемыслительные действия, необходимые для успешного обмена информацией.

Референция охватывает, как можно видеть, значительное количество связей, представляя собой развитую «сеть референций». В обобщенном виде референционные связи формулируются в универсальной прагматике, включающей в число областей референции а) совокупность наличествующего (и возможного) в объективном мире, б) совокупность урегулированных межличностных отношений, в) совокупность манифестируемых переживаний, содержащихся в собственном опыте [Хабермас 2000: 40]. Способность дейксиса обслуживать все обозначенные области референции связана с полифункциональностью этих знаков, отмеченной К. Бюлером: их потенциальной возможностью выступать в процессе соотнесенности с предметами и положением дел как *символ*, в процессе передачи внутреннего состояния отправителя как *симптом*, в процессе управления внешним поведением и внутренним состоянием слушателя как *сигнал* [Бюлер 2000: 34].

Выделенные характеристики дейксиса открывают пути к анализу местоимений как целостного механизма, служащего реализации определенных содержаний, которые Й. Хабермас назвал «модальностями существования» (Seins-Modalitäten) [Habermas 1984: 200]. В них находят отражение факторы, ограничивающие коммуникативно-познавательную деятельность (Abgrenzungen) индивидуумов в определенных контекстах и обусловленные субъективностью говорящего субъекта, объективностью внешней природы, нормативностью общества и интересубъективностью языка. В качестве области функционального определения дейксиса может быть определена позиция субъекта высказывания, в которой, как в фокусе, сходятся обозначенные выше референционные связи.

Выделением субъекта высказывания наука о языке обязана генетически раннему направлению дискурсивного анализа, антропологической эпистемологии, в которой дискурс рассматривается как множество различных «позиций субъективности» [Фуко 1996: 95]. Субъекты высказывания рассматриваются М.Фуко как необходимые для развертывания процессов дискурсии «ориентеры», образующие своего рода «конструктивные точки» смысла, само высказывание, согласно Фуко, есть «*функция существования*», принадлежащая собственно знакам, служащая определению того, «порождают ли они смысл». Субъект высказывания получает в дискурсивной перспективе определение как функция, которая не одинакова для двух

разных высказываний, и, поскольку это – «пустая функция», она способна наполняться до некоторого предела в процессе употребления языка.

Процедура определения субъекта высказывания исследуется как дискурсивный процесс, глубинный смысл которого состоит в «превращении пропозиции в высказывание» [Фуко 1996: 19]. Субъект высказывания окончательно оформляется в организованном определенном образом сообщении, являясь итогом целого ряда процедур «полагания», связывающих высказывания в единую последовательность. В языковом оформлении «субъекта высказывания», находит отражение совершенный языковым субъектом выбор «способа говорить о чем-либо». В нем, как в базовом параметре дискурса, сходятся, тем самым, множество «нитей», связывающих событие общения с миром сознания и социально-коммуникативным универсумом, что придает субъекту высказывания качество репрезентанта «образцов интеракции», свойственных дискурсивной практике.

Окончательное определение субъекта высказывания получает в «сети референций», связывающей разные уровни организации коммуникативного события. Заполнение позиции субъекта высказывания предполагает достаточно строгие условия индивидуализации, наличие точных контекстуальных условий, определяющих систему операций, используемых в этой процедуре.

Возникающее в итоге «пространство корреляции» организовано внутри совокупностью отношений детерминации с вертикальным и горизонтальным измерениями, которой свойственно наличие «уплотнений», т.е. семантически целостных образований, организованных единым субъектом высказывания («секвенций»).

Подробный анализ данного процесса предлагает прагматически ориентированная (диалогическая) грамматика Г. Вайнриха, выделяющая факт принадлежности субъекта одновременно нескольким структурным уровням (вертикальное измерение субъектной семантики) [Weinrich 1993:108]. Субъект предложения выступает, в первую очередь, в качестве обязательного элемента диспозиционной структуры, в которой основную роль играют позиционные характеристики языковой единицы. Синтаксическая роль подлежащего в немецком языке определена его положением либо в препозиции (Vorfeld), либо в средней позиции (Mittelfeld) или постпозиции (Nachfeld). В принадлежащей высказыванию семантической структуре субъект рассматривается как один из актантов, заполняющих основные вакансии в глубинной структуре (агенс-пациенс), прагматическая структура высказывания создается коммуникативными ролями (Gesprächsrollen). Возможность объединения в единой процессуальной форме субъекта высказывания ряда значений обеспечена свойственным системе немецкого языка «синкретизмом форм» (Formen-Synkretismus).

Между уровнями, согласно Вайнриху, существуют отношения гомологии, определяемые степенью референтной устойчивости коммуникатив-

ных ролей и ролей деятеля (Handlungsrollen) и дающие ряд возможных комбинаций. Так, первая из выделенных Г. Вайнрихом 9 пар, Sprecher/Subjekt, содержит субъект речи и агенс, вторая, Sprecher/Partner, включает коммуникативную роль субъекта речи и актантную роль пациента, третья комбинация, Sprecher/Objekt, соответствует положению субъекта речи в позиции объекта в синтаксической структуре. Между семантическими и коммуникативными ролями субъекта обнаруживаются асимметрии между планами, так субъект речи может занимать в глубинной структуре высказывания объектную позицию.

Семантика субъекта высказывания, как свидетельствуют сделанные Вайнрихом наблюдения, представляет собой продукт интегративных процессов, связывающих между собой *семантический, синтаксический и прагматический* уровни организации высказывания. Переплетение коммуникативных и референциальных ролей демонстрирует сложную «сеть» функций, в которой базовое предикатное отношение выступает как констатирующее основание, коммуникативная связь с адресатом или партнером наделена значением «обращения» (Zuwendung), а связь с объектом носит характер диспозиции (Disposition) (диспозиционная рамка указывает на структурно-синтаксические нормы высказывания).

В грамматике Г. Вайнриха с ее идеологией интерсубъективности субъект представлен как «базис детерминации», определяемый предикатом как детерминирующим элементом. В защиту роли субъекта как фундаментальной для пропозициональной функции Х. Вайнрих выдвигает три основных аргумента: а) наличие субъекта как актанта обязательно для большинства глаголов, исключение составляют глаголы со свободной субъектной валентностью (mich friert), б) финитный глагол вступает в конгруэнтную связь только с субъектным актантом, в структуре глагола обнаруживается тесная связь с субъектом, получающая выражение в глагольных форматах. в) финитный глагол образует с субъектом связку, в которой детерминирующей силой обладает глагол и которая приобретает статус предикации. Предикат включает субъект в структуру аргументации, вовлекая его, тем самым, участников общения в «аргументативную игру», образующую своего рода «дискурс в миниатюре».

Высказывание включено в текст в комплексную структуру, принадлежащую высшему уровню и детерминирующую своим строением структуры отдельных высказываний – «информационный профиль» [Weinrich 1993:33]. Положение отдельного высказывания в «информационном профиле» текста определено *процессами управления вниманием читателя*, целью которых является выделение информационно значимого в цепи высказываний и обозначение источника действия, его направленности на партнера и его предмет. Связь с условиями общения находит выражение в модификациях предикативного отношения, определяемых использованием грамматических категорий времени, модальности и дейксиса.

Особенность семантики субъекта, как можно убедиться из сказанного, заключается в его рассмотренной выше способности быть одновременно членом нескольких отношений [Кибрик 1982: 21]. Определенную системность вносит в картину явления синтаксический (функциональный) анализ, выделяющий синтаксическую, ролевую и коммуникативную оси, особо в этом списке располагаются *референциальные* (классифицирующие способ соотнесенности языковых единиц с объектами внешнего мира) и *дейктические* (связывающие высказывание с координатами речевого акта) отношения. Субъект, реализующий термовое (т.е. не подлежащее обоснованию) отношение, выступает как проявление процесса «первичной топикализации», осуществляющего переход от исходных семантических отношений к синтаксическим. Особую роль в этой совокупности связей играют *коммуникативные отношения*, рассматриваемые в качестве «упаковки» концептуальной информации.

Современная коммуникативная грамматика связывает субъектные значения с типами речевой деятельности. В теории, исходящей из идеи об определяющей роли речевых моделей, сформированных точкой зрения говорящего, его интенциями и определенным набором средств, отвечающим целям общения, в центре внимания оказывается практическая языковая деятельность, протекающая в двух основных коммуникативных регистрах, речевом и нарративном [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998]. В основу разграничения коммуникативных регистров и типов речевых моделей положено различие способов построения сообщения, используемых субъектом в процессе языкового отражения событий (прямое восприятие, чужое сообщение, логический вывод). Одним из тезисов коммуникативного подхода является положение о *двойственности субъектной перспективы*, обусловленной существованием пропозиционального и коммуникативного аспектов высказывания (отмеченных выше структур действия и коммуникации).

В основу речевых моделей с субъектной перспективой положено разделение субъектов модуса (слушающий, говорящий, авторизатор) и субъектов диктума (каузатор, субъект базовой модели) [Онипенко 2001: 90]. Категория модуса получает определение в связи с «субъектом факта сообщения», в то время как «субъект сообщаемого факта» рассматривается как элемент пропозиционального отношения (диктума). Отношение между диктумом и модусом и его связь с категорией лица отражает процесс усложнения модусной рамки. Противостояние действующего и говорящего субъекта, различные временные состояния одного и того же субъекта, несовпадение субъектов действия и говорения в пространстве, находящее отражение в форме прошедшего времени, все эти феномены отсылают к контексту употребления, целостность которого не позволяет произвольно трактовать факты употребления языка.

Связанные с регистрами общения (речевым и нарративным) изменения в исходной семантической модели «субъект и его действие» совершаются по ряду направлений: а) по линии сближения субъекта диктума и субъекта модуса, б) по линии перемещения хронотопа говорящего-наблюдателя, в) по линии «реальность-потенциальность». Дальнейшая стратификация определена прагматикой контекста, способствующей разделению субъекта речевого акта и субъекта суждения, что выступает наиболее явно в случаях косвенной речи и цитировании (использовании прецедентных текстов).

Во всех описанных выше моделях прослеживаются общие основания, свидетельствующие, во-первых, о многоуровневой организации субъекта высказывания, во-вторых, о доминирующем положении прагматического уровня и, следовательно, прагматического субъекта, в способах реализации которого находят отражение интенции субъекта речи. Исследование «вертикальных» (в терминологии коммуникативной грамматики) связей между речевыми моделями и синтаксической организацией текста отражает, как можно видеть, обусловленность структурных процессов моделями вербального поведения. Вместе с тем в коммуникативной перспективе исследования не получает объяснения динамика явления и отсутствует его комплексное описание, необходимое для понимания природы феномена «полисубъектности», что объясняется уровневым подходом, сохраняющим «атомарность» описания и не дающим возможность понять значимость феномена полисубъектности для дискурсии. Определенная возможность приблизиться к решению проблемы открывается выбором фокуса исследования, при котором в центре внимания оказывается функционирование местоименных форм как «способов действия», отражающих стратегии со-субъектов общения.

Стратегии «коммуникативного сотрудничества» участников общения

Прагматика дискурса, согласно современным исследованиям в этой области, определена следующей процедурой: познавательное отношение между познающим субъектом и познаваемым объектом в дискурсе трансформируется в «отношение взаимопонимания» между коммуникативными субъектами. Определяющим в этой системе отношений остается коммуникативное, только в противопоставлении Другому, полагает Г. Зассе, субъект речи способен конституироваться как Ego [Sasse 1978: 108]. Успех коммуникации обусловлен участием двоих субъектов в «ситуации intersubjectной активности», в которой они обозначают предмет, относительно которого должно существовать согласие. В создаваемом в акте употребления сообщении всегда находит отражение структура коммуникации, определенная двумя основными отношениями, потребностями участников и свойствами объекта. В реализации обозначенных отношений языку отве-

дены две основных функции: участие в организации взаимопонимания между коммуникативными субъектами и создание факта.

Отражением многоаспектности коммуникативного события становится различие направлений, по которым развивается моделирование создающих его языковых процессов: когнитивные языковые модели создаются в рамках теории референции и теории коммуникации (см. обзор литературы по вопросу [Куайн 2000, Дейк 1989]). Различие в подходах связано с приписыванием детерминирующих оснований либо когнитивной системе субъекта речи, либо логической структуре утверждения, либо универсальной управляющей коммуникативной системе. Теория коммуникации (универсальная прагматика) исходит из наличия в сознании индивидуумов определенных целостных представлений о действительности (фреймов, концептов и сценариев), теория референции указывает на существование и истинность пропозиции.

Современная наука о языке оказывается перед необходимостью интеграции существующих представлений в единую модель. Корректное решение проблемы предлагает Дж. Лайонз, исходящий из признания дополнительности концепций [Лайонз 2003: 274]. Общим выводом становится признание того обстоятельства, что в дискурсивных процессах в активное взаимодействие вступают между собой целостные системы. Прагматика, в любом случае, неизбежно оказывается на вершине иерархии межсистемного взаимодействия. Так, семантическая модель, разрабатываемая в когнитивной прагматике, представляет текст как последовательность пропозиций, связанных между собой логическими отношениями (каузальными, финальными) и образующими иерархию внутри текста. В модели получают отражение способы репрезентации структуры ситуации (пропозиционный уровень, представляющий структуру действия), выбор коммуникативной перспективы и факт принадлежности действий к внутренним (мотивационным или личностным) или к внешним (ситуативным или контекстным) характеристикам действия.

Существование *прагматической макроструктуры* постулируется ван Дейком на том основании, что коммуникативные и интеракционные действия могут планироваться только как цели речевых актов и действий более высокого уровня, что позволяет говорить о *стратегически определенном характере коммуникативно-познавательной деятельности*. Макроструктура формируется не отдельными высказываниями, а их последовательностями, образующими макроречевой акт, базирующийся на способности говорящего и слушающего устанавливать связь между высказываниями в акте общения [Дейк 1989: 171].

Очевидна, вместе с тем, «замкнутость» системы отношений между пропозициями, создающая определенные сложности и противоречия, которые отмечают критики подхода, предлагаемого ван Дейком [Metzelin, Jaksche 1983: 25]. Описание «прагматической макроструктуры», по мне-

нию авторов, грешит либо излишней нормативностью, либо чрезмерной «нарративностью», либо излишней «лингвистичностью», возможность чего создается ее неясным онтологическим статусом. Макроструктуре относятся либо к «нарративной субстанции», полагая, что речь идет не просто об утверждениях, а о «точке зрения», с которой рассматривается историческая действительность, кроме того, использование правил, позволяющих путем редукции, селекции, генерализации и интеграции получить глубинную структуру дискурса, ведет к потере существенной информации в ходе выполнения этих процедур.

Особенностью прагматической макроструктуры является ее выводной характер, принадлежность ее не к репрезентации значения дискурса, а когнитивной модели. Из принадлежности прагматической макроструктуры концептуальному уровню вытекает следующая особенность дискурсивного смысла: он не получает полностью эксплицитного выражения и представляет собой постоянно изменяющуюся величину, зависящую от контекста употребления и внутренней структуры говорящего. Вариативность языковых значений в зависимости от когнитивных характеристик пользователей языка и от контекста означает, что каждое использование языка связано с приписыванием каждым пользователем дискурсу собственной макроструктуры, глобальные основания которой образуют имплицатуры, *конвенциональные*, вытекающие из условий истинности, и *коммуникативные*, предполагающие правильное коммуникативное поведение.

Разграничение используемых в этих процессах стратегий обусловлено достижением различных целей, ориентацией на гибкое реагирование и поиск способов обращения с речевыми действиями партнера и на обновление ментальных моделей. В дополнение к когнитивным стратегиям в дискурсе действуют *речевые стратегии*, имеющие интеракциональную природу и предназначенные для организации социальной коммуникации. Прогнозируемость событий дискурса обеспечивается в значительной степени наличием в нем текстовых и контекстуальных ключей, в функционировании которых находит отражение действие основного принципа структурирования дискурса, «принципа релевантности», определяющего способ адресованности сообщения и предполагающего существование системы практических шагов по производству и восприятию текста [Дейк 1989: 132].

Ограничение способов реализации речевых стратегий пропозициями и признание принадлежности управляющей системы когнитивным системам и поведенческому контексту исключает из числа языковых операций, создающих дискурс, средства с не-пропозициональной семантикой, создавая тем самым пропасть между языковой организацией высказывания и дискурса и планирующей деятельностью со-субъектов общения. Объяснимым следствием подобного подхода становится иллюстративность описания, в котором невозможно проследить связь между языковыми формами и задачами общения. Связь высказываний как базовое отношение дискурсии вы-

деляет то обстоятельство, что смысл создается образованиями, выходящими за границы пропозиций. Деятельность субъекта находит отражение не только и не столько в выборе пропозиций, сколько в осуществляемом в акте высказывания их референционном связывании с ситуацией и изменении референции в процессе развертывания дискурса (*референционной динамике дискурса*).

Интенсивно ведущиеся в последние года исследования имеют итогом появление ряда моделей, в которых получают отражение «принципы упорядоченности», регулирующие вербальное поведение индивидуумов в определенных коммуникативных практиках и получающие при этом экспликацию как качества текстов. Сложность создания интегративных моделей, способных учесть различные аспекты события общения, обусловлена как принятой в языкознании аспектностью анализа, так и неизбежной ограниченностью сознания, неспособного создавать объемные модели. Слабость эвристики одномерных моделей текста, требование учета других измерений, в первую очередь, *прагматического*, без которого модель события говорения не может быть полной, вызывает появление моделей нового типа, коммуникативно-функциональных, развивающих и дополняющих основные положения лингвистики текста. В их развитии находит отражение потребность в определении *прагматического уровня* организации высказывания и выяснении условий и закономерностей его функционирования.

Прагматическая матрица акта рассказывания

Перемещение фокуса исследования в плоскость стратегий говорящего формирует понимание текста как комплексного интенционального (целенаправленного) действия, получающее признание и развитие в работах немецких и отечественных лингвистов [Gülich/Meyer-Hermann 1983, Motsch/Reis/Rosengren 1990, Каменская 1991]. В отечественной лингвистике отношение «говорящий-слушающий» рассматривается как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных компонентов (модулей) и соотносящая языковую информацию на различных уровнях [Демьянков 1995: 306].

Возможность привести в систему гетерогенные отношения, свойственные событию общения, получает одно из наиболее продуктивных воплощений в модулярной теории, ставящей перед собой цели исследования сложных систем человеческого поведения. Основным постулатом данного направления, развивающего положения теории речевых актов, является представление о тексте как об организованной последовательности речевых действий. Модулярная теория признает тексты «инстанциями поведения», уровень текста рассматривается как свидетельство дальнейшей, по сравнению с уровнем предложения переработки синтаксических структур,

отражением чего становится «фокусировка» изложения (die Fokus-Hintergrund-Gliederung).

Система модулей, определяющих вербальное поведение индивидуумов, включает репрезентации, правила и принципы: к репрезентациям относятся конкретные инстанции языкового поведения, правила включают элементы и возможности их комбинирования, принципы воспроизводят общие схемы, свойственные определенному типу систем, они детерминируются языком, а их схемы определены универсальными прагматическими конвенциями. В качестве взаимодействующих модулей выделяются грамматическая структура, пропозициональное содержание и иллокуции.

Взаимодействие между грамматическими, концептуальными и иллокутивными репрезентациями находит проявление в членении текста на последовательности речевых актов (illokutive Repräsentationen), отражающих изменение поведения в зависимости от потребностей и задач общения (что находит выражение в использовании индикаторов, модусов предложения, модальных глаголов и частиц, позволяющих реконструировать намерения субъекта речи). Одной из основных проблем анализа становится определение семантических величин, с которыми вступают во взаимодействие элементы прагматической структуры, и выделение композиционных принципов, лежащих в основе определенного типа действий.

Связь между уровнями в модулярной теории исследуется как отношение «параметризации». М. Бирвиш предлагает считать грамматическую систему параметризированной относительно концептуальной системы, так как грамматическая система содержит переменные, которые заполняются репрезентациями концептуальной системы [Bierwisch 1983]. Отношение параметризации связывает целый ряд систем: перцептивную, моторную, деятельностьную систему целей и мотиваций, концептуальную систему, лежащую в основе модели мира, систему социальной интеракции, охватывающую формы, условия, следствия коммуникативного поведения индивидуумов, лингвистическую систему, аффективную систему. Системы связаны отношениями непосредственной или опосредованной параметризации, так лингвистическая система параметризирована непосредственно относительно концептуальной системы и опосредованно, через концептуальную систему, относительно всех остальных, между системой социальной интеракции и лингвистической системой существуют отношения «частичного подчинения» (eine partielle Unterordnung).

В частных приложениях модулярной теории [Motsch 1992: 59] отношение «параметризации» подвергается сомнению, аргументом чему служит способность языковой структуры, реализующая иллокуции, существовать независимо от них. Специфика языкового поведения, согласно В. Мотшу, состоит в том, что цели действия содержатся в самих действиях и определяют их типы. Речевые действия имеют, с одной стороны, выраженное сходство с неязыковыми действиями, ставящими цель воздейство-

вать на партнера по общению, с другой, в них самих содержатся условия и следствия, свойственные определенным типам иллокуций. Прагматические модификации не детерминированы отношениями внутри иллокутивных структур (имманентными отношениями являются только те, которые указывают на связь с ситуацией и с типом иллокуции).

Необходимость различения типов иллокуций и «средств контекстуализации» обусловлена наличием языковых структур, служащих интерпретации путем выделения релевантной контекстной информации. Корректное описание языковых действий предполагает, по мнению В. Мотша, использование специальных иллокутивных категорий «намерения» (желания говорящего) и «партнера». Литературные тексты способны служить для этого прецедентом, поскольку они удовлетворяют двум основным условиям: они описывают события, допускающие оценку, разделяемую обоими участниками общения, их успех зависит от готовности партнеров к кооперации, что делает подобные отношения принадлежностью системы интеракции, элементами которой являются иллокуции, т.е. ориентированные на партнера действия (*partnerbezogene Handlungen*).

Возможность выделения отдельного прагматического уровня организации текста, не совпадающего с иллокутивной структурой, подтверждает теория действия (*Theorie der Handlungsstruktur*) М. Брандт и И. Розенгрэн, в которой строение прагматического модуля и условия его актуализации в конкретных текстах ставятся в непосредственную зависимость от «ситуации высказывания» (*Äußerungssituation*) [Brandt, Rosengren 1992: 10]. «Ситуативный принцип» отражающий зависимость организации текста от внешних факторов, типа текста, социальных взаимоотношений между участниками коммуникации, контекста и целей отправителя информации, в отличие от «*принципа иерархии*», предполагающего существование позиционных ограничений использования языковых форм, и «*принципа иконичности*», отражающего влияние временных и каузальных связей между информационными единствами, выступает в качестве регулятора коммуникативного события [Brandt, Rosengren 1992: 23].

Признавая самостоятельный, независимый от грамматики статус прагматики, М. Брандт и И. Розенгрэн рассматривают корреляции между модулями в терминах «поверхностной структуры» (грамматический модуль) и «глубинной структуры» (прагматический модуль). Отношение между грамматикой и прагматикой характеризуется как интеракция между модулями, для взаимодействия с грамматическим модулем используются «информационные единства», или сегменты с модифицированным контекстом значения предложения. Прагматическими величинами, связь с которыми превращает иллокуции как единицы действия в информационные единства, являются «отправитель информации» (*Sender*), «получатель информации» (*Adressat*), «мир» (*Welt*).

Отношения внутри прагматического модуля представляют собой системы предпочтений, в которых действующие правила предлагают наиболее выгодную стратегию, но не являются обязательными для исполнения. В модели М. Брандт и И. Розенгрэн, содержащей принципы организации текста (Prinzipienmodell), а не его производства, разграничиваются иллокутивная и целевая структуры. Между целевой иерархией (Zielhierarchie), имеющей экстралингвистический статус, и иллокутивной структурой существуют отношения обратной зависимости: действие, являющееся целью, в иллокутивной иерархии занимает подчиненное положение. В зависимости от подчиненности целям выделяется низший уровень, уровень иллокутивной иерархии (Illokutionshierarchie), и высший уровень, получающий наименование «уровень секвенцирования» (Ebene der Sequenzierung) [Brandt, Rosengren 1992: 13].

Подчинение уровня секвенций целям общения регулируется основными принципами организации коммуникативного события (как, например, в случае «действия формулирования» (Formulierungshandlung), представляющего собой проявление рецептивных стратегий создателя текста). Создатель текста может выбирать среди четырех основных типов иллокуции, декларацией (Deklaration), констатацией (Darstellungshandlung-Assertion und Frage), экспрессивом, (Ausdruckshandlung) или регулятивом (Regulierungshandlung).

Стройная схема, положенная в основу создаваемых М. Брандт и И. Розенгрэн моделей, отражает специфику делового текста, в котором положение подчинено либо хронологическому, либо логическому порядку. Возможность применения этой методики для исследования вербального поведения в литературной практике представляется весьма ограниченной. Поэтический текст подчиняется свободной логике поэзии, в которой необходимо следовать перспективе мысли, не знающей строгих правил. Прагматика повествования отражает авторское видение людей и вещей, что предполагает использование, как отмечает Ж. Женетт, «паратекстов», с помощью которых автор стремится донести до читателя способ, которым следует читать произведение.

Следует ли, действительно, постулировать взаимную детерминацию грамматической и прагматической структур или же обе структуры существуют независимо друг от друга и тогда прагматика дискурса лишается прочной языковой основы?

Связь уровней получает, если подвести итоги, представление как последовательность операций, в итоге выполнения которых создается коммуникативное событие. Организованное определенным образом отношение между означаемым и означающим, зафиксированное в пропозициональном компоненте, включается затем в представляющую ролевое отношение между участниками коммуникации иллокутивную рамку. Если пропозициональное содержание находит выражение в структурном типе пред-

ложения, то иллокутивные типы имеют в своем распоряжении специальные иллокутивные индикаторы. Иллокутивное предназначение высказывания расшифровывается с помощью «индикаторов контекста», указывающих на отношение между отправителем и получателем информации, институциональные условия и фоновые знания.

Организация и взаимодействие уровней регулируется свойственными каждому измерению собственными правилами. В вертикальном развертывании текста участвуют, прежде всего, законы формирования тематической структуры текста и его иллокутивной формы (внутри тематической и иллокутивных структур доминируют отношения подчинения одного уровня другому). Конструктивное основание текста образует развертывание текста по горизонтали, для которого определяющими становятся отношения «предтекст – текст – послетекст», в котором действуют правила речевого автоматизма.

Соглашаясь или не признавая отношение параметризации между уровнями, создатели прагматических моделей следуют основному постулату модулярной теории, утверждающему уровневую структуру коммуникативного события. Достоинство модулярной теории заключается в гибкости предлагаемой процедуры вывода, благодаря которой становится прозрачной схема действий текста. Вместе с тем ограниченность данного подхода определенными типами действий, невозможность свести автономные модули в единую систему и, как следствие, «атомизация» целостного речевого продукта, проблемы с дальнейшей спецификацией прагматических связей между иллокуциями, порождают определенные сложности в дальнейшем развитии теории.

Модулярной теории, развивающей положения теории речевых актов применительно к тексту, в современном научном ландшафте противопоставлены теории, ориентированные на комплексное коммуникативное взаимодействие (интеракционная теория). Признание стратегической обусловленности коммуникативно-познавательной деятельности индивидуумов определяет специфику моделей, ориентированных на коммуникацию (*kommunikationsorientierte Modelle*) [HeinemannM., HeinemannW. 2002, 86]. В интерактивной перспективе текст исследуется в отношении к цели, которая реализуется им в широком социальном контексте [Brinker 1992, Gülich 1977, 1983, Viehweger 1983, HeinemannM., HeinemannW. 2002, Schmidt2000]. Опасность пренебрежения лингвистическими процедурами анализа, существующая при подобном подходе, компенсируется высоким эвристическим потенциалом моделей, способных объяснить, как протекает взаимодействие коммуникативных и когнитивных процессов.

Процедурная модель, в которых получает отражение операции, регулирующие использование языка, представлена в исследованиях Р. Богранда и В. Дресслера [Beaugrande/Dressler 1981]. Понимание и порождение текстов рассматривается в предлагаемой авторами концепции как следст-

вие использования различных процедур: отражения (Abbilden, mapping), процедурного подключения (Anschließen, procedural attachment), сопоставления образцов (Muster-Vergleichen, pattern matching). В процессах текстопорождения (планировании, идентификации, развитии, выражении) грамматический синтез, в ходе которого языковые выражения обретают связность, не является завершающей фазой, а может протекать одновременно с другими процессами, определяющими конечный речевой продукт. В процессе рецепции обработка текста протекает как бы в «обратном направлении», открываясь грамматическим анализом, переходя в понимание на основе извлеченных из памяти концептов, через установление логических связей между элементами текста, определение инференций и завершаясь, в конечном итоге, пониманием смысла и реакцией на понятое.

Р. Богранд и В. Дресслер формулируют центральное понятие современных исследований текста и дискурса, «текстуальность» (Textualität), включающее когезию, когерентность, интенциональность, приемлемость (Akzeptabilität), информативность, ситуативность (Situationalität), интертекстуальность. Качество «текстуальности» характеризует тексты как «письменно манифестированную часть высказывания в акте коммуникации» («der schriftlich manifestierte Teil der Äußerung in einem Kommunikationsakt») [Heinemann/Viehweiger 1991: 16].

Исследования текста выделяют факт существования универсальных когнитивно-семантических стратегий производства и восприятия текстов, связанных с вербальным поведением индивидуумов и представляющих собой предмет уже не текстового, а дискурсивного анализа, призванного сформулировать общие правила практической языковой деятельности и описать их специфику в зависимости от типа социально-коммуникативной практики.

В отличие от модулярной теории интеракционная концепция обращена не к речевым действиям, а к направляющим их выбор и комбинаторику интенциям участников общения, что помещает в фокус исследования структуру сообщения («интенциональную структуру»). Идею «интенциональной структуры» наиболее последовательно развивает Х. Изенберг, связывая с ней «движение модусов». Область модусов получает описание как сфера протекания коммуникативных процессов, осуществляющих регуляцию сообщения в зависимости от контекста общения.

Контекстуальные модели должны, по мнению Х. Изенберга, с необходимостью включать, кроме семантической, синтаксической поверхностной, коммуникативно-прагматическую структуру, включающую описание интенций (Intentionsstruktur-I), предпосылок (Voraussetzungsstruktur-C) и структуры отсылок (Verweisstruktur-V) [Isenberg 1976: 48]. В модели Изенберга особо выделена коммуникативная функция, в формуле которой отражена функциональная зависимость обозначенных компонентов: $KF = I, C, V$. К средствам реализации интенциональной структуры Х. Изенберг

относит «коммуникативные предикаты» ассерции (*behaupten..*), манифестации (*danken, beglückwünschen..*), извещения (*klagen, loben*). В дополнение к ним выделяются предикаты, передающие модус информации «Informationsmodus» (*informieren, konstatieren*), модус репрезентации «Darstellungsmodus» (*berichten, erzählen*), модус лигации «Ligationsmodus», отражающий связь коммуникативной функции с элементами поверхностной синтаксической структуры. Изучение динамики модусов позволяет выделить мотивационные основания структуры действий, действие внутренних движущих сил, организующих интенциональную программу изложения.

Сопоставление модели Х. Изенберга с иллюкутивными и интерактивными моделями позволяет отметить свойственную ей ориентацию на сферу действия модусов, что выгодно выделяет ее связь с деятельностью речевого субъекта. Между моделями текста и дискурса существуют несомненная близость, обусловленная их адекватностью объекту. Так, уровень интенциональной структуры соответствует высшему уровню репрезентации иллюкутивной структуры, уровню секвенций, отражающему «игру интенций», что позволяет признать, если не тождественность, то близость обоих понятий. Разграничение иллюкутивной и интенциональной структур отвечает предлагаемой психологией функциональной схеме деятельности, созданной структурой деятельности, реализующей ее структурой действий и операциями, с помощью которых осуществляются действия [Зинченко, Гордон 1976: 103].

Отражением «игры интенций» становятся динамические модели, предназначение которых заключается в том, чтобы отразить бесконечную изменчивость и подвижность коммуникативной игры в различных практиках, в том числе, практике литературной. В основу одной из наиболее разработанных и комплексных моделей положена идея «референциального движения» (*die referentielle Bewegung*), смысл которой заключается в том, что определенный объем информации должен быть передан в тексте через последовательность высказываний, развертывание которой подчиняется действию определенных коммуникативных принципов [Klein, Stutterheim 1992: 67]. Отличие текста от последовательности предложений В. Кляйн и К. фон Штуттерхайм видят в том, что текст подчинен глобальным и локальным «ограничениям». Если глобальные ограничения обусловлены концептуальными структурами («фреймами»), ограничения локального свойства связаны с коммуникативной целью и находят проявление в когерентности, когезии, тематической прогрессии. Проявлением «референциального движения» становится использование определенных и неопределенных именных фраз, анафорических средств, порядка слов и отношений субординации.

«Референциальное движение» осуществляется в различных областях референции, временной (*Zeitreferenz*), пространственной (*Raumreferenz*), референции к обстоятельствам (*Referenz auf Umsände*), персональной (*Per-*

sonenreferenz), предикате (Prädikat), модальности (Modalität). Источником динамики референции в нарративе авторы считают организующий изложение вопрос, образующий его основной принцип организации, «*Quaestio eines Textes*»: «Что случилось во временном промежутке *x* в месте *y*?» (*Was ist (dir) zum Zeitpunkt x am Ort y passiert?*). Ответ требует спецификации всей основной структуры, что определяет направление и характер связей в изложении, «*Quaestio*» задает условия выбора топика (*Topikbedingungen*, или потенциального множества альтернатив) и фокуса (*Fokusbedingungen*, или спецификации).

Существование определенного уровня организации, располагающегося между «историей» и материалом изложения (но не являющегося собственно нарративным), своеобразного «каркаса изложения» (*the skeletal structure of discourse*) ограничивает свободу языкового поведения. К нему относятся события, связанные с «временным сдвигом» по отношению к «исходному положению дел» (значимость временных отношений между событиями определена их принадлежностью к процессам ориентирования [Labov, Waletzky 1972]). В этой основной структуре текста действует «принцип проекции», свидетельствующий о связи высказываний внутри линейной последовательности и реализующийся благодаря временным формам. Событийная структура рассказа имеет временную ориентацию, высказывания специфицируют события по отношению к определенному временному интервалу (*t*): фокусные ограничения предполагают наличие одного события и расположение его в фокусе высказывания, референция к прошедшим событиям образует, согласно В. Кляйну, составную часть топика.

Требования хронологического следования событий, маркировки событий во времени и пространстве в начале акта рассказывания, непосредственная связь оценки с событиями, к которым она относится, образуют минимальный набор глобальных ограничений повествования. Во временных отношениях, организующих событийную структуру, находят отражение элементы фокусировки изложения, организации событий в соответствии с интенциями адресанта. Событийная структура может быть образована не только временной последовательностью событий (как в нарративных текстах) или пространственной конфигурацией, но и «когнитивной картой», в которой объекты связаны между собой с помощью дейктических маркеров (как это свойственно, по мнению авторов, не-нарративным текстам).

В. Клайн и К. фон Штуттерхайм разграничивают внутреннее и внешнее ядро пропозиции, свойственные базовой структуре и определяющие направление «референциального движения». Различая «исходное состояние» (*Einführung*) и «развитие» (*Fortführung*), авторы выделяют в последнем «смену» (*Wechsel*) и «присоединение» (*Anbindung*). Если «чередование» означает отсутствие связи с предшествующим высказыванием, то «присоединение» существует в трех разновидностях: на основе идентично-

сти референции наименований в обоих высказываниях, на основе «сдвига» (анафоры), на основе ассоциативной связи наименований. В реализации основной и дополнительной структур участвуют языковые формы, такие, как, например, перфект, ограничивающий высказывание во временном плане, модальные или квантитативные операторы и характер субъекта, глаголы не хабитативной формы [Klein, Stutterheim 1992: 90].

Значение каждого отдельного высказывания определено контекстом употребления, так, авторы указывают на возможность трактовки состояния как процесса в случае, если этого требует контекст «(plötzlich) war der Himmel ganz rot». Значение высказывания в трактовке В. Клайна и К. фон Штуттерхайм раскрывается через четыре типа констелляций: значения лексических единиц и синтаксических связей, пропозиции с элементами структурной контекстной зависимости, интерпретации высказывания, дополняющей содержание другими деталями, предметное значение (Sachverhalt). Область референции получает освещение как констелляция темпоральных, модальных или пространственных компонентов [Klein, Stutterheim 1992: 83].

Формируя высказывание, говорящий субъект совершает необходимый для успеха коммуникации выбор, понимание высказывания предполагает наличие контекстной информации, определяемой дейктическими, анафорическими и эллиптическими элементами. Подобного рода информацию авторы рассматривают как структурную (strukturgeleitet), или регулярную (regulär) контекстную зависимость. Возможность интерпретации дана объединением эксплицитно выраженной информации и той, которая извлекается читателем на основе регулярных контекстных связей или инференций (фоновых знаний), различные типы «референциального движения» выделяются в соответствии со способами заполнения позиций в «прототипической (пропозициональной) структуре».

Динамическая модель референции представляет собой попытку решения вопроса относительно источника детерминации в процессе смыслообразования. Явная невозможность альтернативного ответа на этот вопрос свидетельствует о том, что анализ должен быть многофакторным, способным учесть действие всех сил, приводящих в движение механизмы вербальной коммуникации.

В разнообразии связанных с прагматической организацией понятий, интенциональной или информационной структурах Х. Изенберга и Г. Вайнриха, уровне секвенцирования М. Брандт и И. Розенгрэн, находят отражение факты системной организации деятельности индивидуумов в коммуникативных практиках. Сопоставление существующих в современной лингвистике методов исследования структуры текста и дискурса позволяет сделать определенные выводы, касающиеся эвристики различных методик исследования дискурсивных процессов. Ограниченность возможностей конструктивных (формально-семантических и концептуальных)

лингвистических моделей текста в исследовании содержательных процессов и функционирования текста как целостной системы вызывает потребность современной науки о языке в развитии методов моделирования, способных отразить динамичный и деятельностный характер процессов, свойственных языковой практике. Определенная динамика свойственна как моделям, созданным в рамках модулярной теории, так и интерактивным моделям, однако потребностям дискурсивной онтологии отвечают только последние, так как в них находит отражение «игра интенций» участников общения, находящая выражение в языковых процессах, которые свойственны особому уровню организации последовательности высказываний, прагматическому.

Несмотря на различие существующих подходов, общим для всех моментов является признание существования особого уровня организации, в котором находит отражение стратегическая деятельность коммуникативных субъектов. Семантико-прагматический уровень, существование которого подтверждают исследования, исходящие из положений модулярной теории и теории интеракции, свидетельствует о детерминирующей роли коммуникативных отношений, свойственных дискурсивному аспекту коммуникативных событий.

Интерактивные теории, ориентированные на языковое поведение участников общения и на их комплексное коммуникативное взаимодействие, демонстрируют, в отличие от модулярных теорий, способность служить теоретической базой для разработки процедурных моделей текста, объясняющих, каким образом участники общения, используя определенные когнитивные и языковые процедуры и исходя из данных собственного опыта, организуют совместное коммуникативное действие.

Исследование взаимоотношений между прагматической и грамматической (языковой) организацией текста является целью не только когнитивного (концептуального) и стратегического, но и субъектно-ориентированного (антропоцентрического) подхода, в фокусе которого располагаются функциональные роли или намерения, семантика редуцируется до «значения говорящего», а «значение говорящего» анализируется в терминах намерения «сообщить нечто». Значение трактуется как «устройство», используемое деятелем для совершения определенных действий (с точки зрения человеческого общения).

Промежуточное положение семантико-прагматического уровня, строение которого определено как интенциональной программой изложения, так и совершаемым речевым субъектом выбором, равно как его связь с актом контекстуализации, свидетельствует о малой пригодности понятия «структура» для свойственных этому уровню отношений детерминации, так как структурная модель обладает качествами результативности, что, скорее, отвечает нормам организации текста.

Динамика дискурсивных процессов, связанных с семантико-прагматическим уровнем, должна, с нашей точки зрения, получить представление в качестве «матрицы». Конструктивность этого понятия для отражения процессуальных явлений оправдана его применимостью для описания действий, реализуемых членами человеческого сообщества в соответствии с определенными схемами, кроме того, строение «матрицы» допускает ее широкое использование любым участником диалога. В «матрице» находит отражение свойственное дискурсивным процессам сочетание постоянства форм и изменчивости их семантики.

Конструкт «матрицы», примененный для описания высшего уровня организации текста, *прагматического*, способен выделить *структуру действия*, свойственную коммуникативным практикам. В нем содержатся нормативные и факультативные ячейки для функций и занимающие их коррелятивные классы переменных [Шмидт1978:100].

В литературной коммуникации пространством «матрицы» является повествовательный дискурс, в качестве нормативной «ячейки» выступает субъект высказывания, а к основному коррелятивному классу переменных относится система ориентации субъекта и ее вариации, представленные другими личным местоимениями. Процедура заполнения позиции субъекта высказывания с помощью прагматических переменных способствует осуществлению операции, которую мы, вслед за Ю. Кристевой, можем охарактеризовать как «переход дискурса в текст» и «переход текста в дискурс».

Смена субъектных перспектив в акте рассказывания

Развертывание динамической системы смысла в акте рассказывания исследуется нами как многофазный процесс, в котором можно выделить отдельные фазы развития дискурсивного смысла, созданные единством субъекта высказывания (секвенции). В каждой отдельной секвенции создается определенным образом организованная система смысла, однако ее развитие требует перехода в иное состояние, чему служит смена субъекта высказывания. Процедура заполнения субъекта высказывания с помощью прагматических переменных (местоименных форм) предполагает понимание выбора «референциальных исполнителей» как значимых «ходов» в стратегической деятельности производства и восприятия смысла. Используемая нами модель «матрицы» позволяет рассматривать процедуру «полагания субъекта» как интенционально обусловленный выбор, определяющий характер развертывания дискурса.

Языковые способы регулирования последовательности высказываний (дискурса), свидетельствуют о наличии в исследуемой коммуникативной практике определенных устойчивых образцов вербального поведения, которые могут получить интерпретацию как модели нарративной интеракции. Коммуникативно-познавательная деятельность участников общения в

нарративной интеракции, так же как и в ситуации естественного общения, находит отражение в чередовании субъектов высказывания (Sprecherwechsel). В отличие от диалога, в котором роли говорящего выполняются участниками по очереди, монологический текст повествовательного дискурса использует внутренние семантические механизмы регулирования референтных связей в последовательности высказываний, действие которых связано с субъектной семантикой.

Семантические процессы, связанные с значением субъекта высказывания, находятся в ведении метасемантики, исследующей сферу процессов семантического означивания в условиях вторичного кода (связанного с естественным языком отношениями интерпретации) [Бенвенист 1998: 88]. Первичные функции субъекта высказывания на метасемантическом уровне подвержены изменению под влиянием контекста общения. Метасинтаксические процессы в сфере субъектной семантики определены феноменом полисубъектности, источником которого является двойственная структура высказывания, несущая информацию не только о речевом, но и речеповеденческом актах [Арутюнова 1999: 12-13].

Разграничение структуры действия и структуры коммуникации и связанных с ними субъектов модуса и диктума позволяет рассматривать позицию субъекта высказывания как совокупность функций. Структура действия определена выбором либо деятеля (субъекта диктума), либо субъекта пропозициональной установки (субъекта модуса), структура коммуникации предполагает определение коммуникативной перспективы изложения как принадлежащей говорящему, слушающему или наблюдателю.

Возможность синтеза деятельностных и коммуникативных перспектив и создания единства высказывания обусловлена семантикой местоименного субъекта, обладающего поливалентной природой. Оставаясь обязательной «ячейкой для функции» «матрицы» дискурса, субъект высказывания, выраженный местоименной процессуальной формой, демонстрирует способность принимать различные значения, в которых находит отражение изменение стратегий общения. Процедура заполнения позиций субъекта высказывания может быть представлена как последовательное выполнение операций, связанных с выбором тех значений параметра, которые отвечают целям успешного взаимодействия в каждой фазе развертывания дискурсивного смысла. Феномен «полисубъектности» свидетельствует одновременно о том, что речь идет не только о способах связывания отдельных аспектов когнитивного плана, но и о процессах *внутренней детерминации*, в которых находят выражение интегративные отношения, создающие комплексное коммуникативное событие. Исследованию обозначенных отношений посвящено дальнейшее изложение, в фокусе анализа при этом будет изменение семантики субъекта в последовательности высказываний.

Особенность предлагаемого нами подхода к исследованию референционных процессов, связанных с определением субъекта высказывания, заключается в том, что мы отказываемся от принятого в лингвистике уровня подхода и исследуем явления синтеза, определяющие процесс создания художественного сообщения. Протекание процесса определено существованием различных аспектов субъектной семантики.

Субъект высказывания включает в свою семантику значение *лица* и значение *субъекта*, разграничение которых, идущее от теории высказывания Э. Бенвениста, отражает различие референциального и синтаксического планов организации высказывания. Исходя из принципа «семантической простоты», Ю.С. Степанов решает проблему взаимоотношения субъекта и лица, выделяя связывающие их отношения «семантической производности». Речь идет об усложнении первичной модели речевого акта (чему служит либо обобщение пространственно-временных указаний, либо отказ от их использования).

Первичная семантическая модель «я-здесь-сейчас» с координатами лица, пространства и времени речевого акта положена в основу стратегического коммуникативного действия, ориентированного на цель, но не предполагающего учета интересов партнера. В условиях нарративной интеракции стратегическое действие уступает действию кооперативному, развитие которого приводит к формированию норм и правил общения, свойственных нарративной интеракции. Специфика кооперативного действия уже получила представление в предшествующем изложении в связи с процессами пространственного и временного «профилирования» ситуации, здесь же нам предстоит *определить* условия контекста, *формирующего* характер и направление протекания процессов в сфере субъектной семантики.

Специфика субъекта высказывания в повествовании заключается в том, что используемая для его выражения местоименная процессуальная форма Я выступает как основная позиция повествовательного дискурса, нарративный субъект, обладающий качеством амбивалентности, обращенности как к дискурсу (высказыванию-процессу), так и нарративной структуре (высказыванию-результату). Вторичная символизация неразрывно связана с первичными функциями субъекта высказывания в процессе конструирования мира повествования.

Роль эгоцентрического субъекта высказывания в структуре релевантности дискурса может быть представлена через его участие в реализации ориентационного концепта (Origo-System). Использование системы ориентации в качестве прагматической переменной в «матрице» повествования обозначает границы секвенций и одновременно служит сигнализации границ между повествовательными планами, что позволяет разграничить структурный аспект, свидетельствующий о делимитативной роли субъекта высказывания и семантико-прагматический, связанный с конституированием когнитивной «сцены» повествования.

Процедура определения субъекта высказывания предполагает выбор определенной коммуникативной и деятельностной перспективы, комбинации которых в каждой субъектной позиции отражают изменение стратегий речевого субъекта, управляющих процессом понимания.

Рассказ Гено Хартлауба «Mein Luftschloß» открывается дискурсом повествования, в основу которого положена первичная семантическая модель:

(1) «Jeden Nachmittag, wenn ich aus dem Büro heimkomme, baue ich an meinem Luftschloß.

(2) Ich setze mich an den Zeichentisch, um Einzelheiten zu entwerfen: hier ein Erker, dort ein Balkongeländer, Fensterrahmenornamente, dorische, jonische und korinthische Säulen» (Hartlaub, S.88).

Исходная секвенция (1), образованная единственным высказыванием, включает в описание оператор итеративности *jeden Nachmittag*, что изменяет первоначально личностно ориентированный характер повествовательного высказывания, придавая ему «открытый» характер, свойственный неопределенному во временном отношении событию. Использование в позиции субъекта высказывания субъекта диктума выделяет событийную структуру в качестве доминанты «сцены». Оператор итеративности помещает события в контекст рефлексии, наделяя их признаком множественности, вследствие чего семантическая формула субъекта приобретает следующий вид [Ssp + Sref] (символом Sref обозначен модус рефлексии, Ssp является обозначением перспективы субъекта речи). Субъект высказывания в начальной секвенции не может быть отнесен к конкретной ситуации действия, так как оператор итеративности помещает события в сферу ментальных событий, выделяя тем самым факт сообщения о событии.

В следующей секвенции (2) субъект высказывания получает спецификацию в качестве субъекта восприятия (Srez), что позволяет представить семантику субъекта как созданную коммуникативной и перцептивной перспективой [Ssp + Srez] (где Srez служит обозначению субъекта восприятия). Между двумя секвенциями сохраняется связь, обеспеченная единством коммуникативной перспективы говорящего. О выборе перцептивного модуса свидетельствует использование позиционного дейксиса «*hier ein Erker, dort ein Balkongeländer*», становящегося сигналом перехода от событийной структуры к «полю референции» (определенным образом организованной объектной области). Эксплицитный дейксис в данном контексте не синонимичен имплицитному «*hier*», свойственному системе ориентации субъекта *ich*: если имплицитное пространственное указание ограничивает «сцену» «пространством говорящего», то с помощью позиционного пространственного дейксиса определяется конфигурация объектов внутри этого пространства и их близкое расположение относительно субъекта речи и восприятия. Речь идет, таким образом, о функциональной специализации языковых средств, обусловленной их участием в процессах вторичной концептуализации.

Следующая секвенция рассказа включает описание, диегетическую функцию, не нуждающуюся в экпликациях субъектной перспективы : (3) «Jedes Stockwerk ist in einem anderen Kunststil gehalten: Antike im Erdgeschoß, romantische Fensterwölbungen im ersten Stockwerk, im zweiten Spitzbogen, gotisches Flamboyant, dann folgen Renaissancesalons mit schweren Eichenmöbeln und goldenen Mäanderdekorationen». Пространственная локализация содержит подробную спецификацию пространственных уровней im Erdgeschoß, im ersten Stockwerk, im zweiten Spitzbogen, переходящую в квалификацию объектов Renaissancesalons mit schweren Eichenmöbeln und goldenen Mäanderdekorationen, преобладание порядковой последовательности «im ersten, im zweiten, dann» свидетельствует о преобладании перцептивного модуса изображения.

Языковая структура дискурса в рассказе Гено Хартлауба свидетельствует о роли языкового контекста даже в том случае, когда субъект не получает эксплицитного представления, так, использование пространственных характеристик объекта и уровня невозможно без учета положения субъекта восприятия, которое определяется косвенно, через протекание процесса. Речь идет, таким образом, о двух принципиально различных возможностях использования деятельностной перспективы субъекта восприятия, в связи с коммуникативной перспективой субъекта речи, как в первой секвенции, или в случае использования перспективы наблюдателя, как это свойственно второй секвенции. В отличие от субъекта восприятия (Betrachter), наблюдатель представляет собой перспективу, свойственную коммуникативной парадигме и соответствующую высшей ступени интеракции (Beobachter). С позиции наблюдателя события повествования представлены как независимые от положения адресанта и адресата, речь идет о существенно различающихся типах речевых действий, обладающих собственными иллокутивными и структурными характеристиками.

Как уже было сказано, использование первичной семантической модели общения (hic et nunc) в практике литературы определено наличием в ней коммуникативно-познавательных установок не только говорящего, но и наблюдателя. Позиция наблюдателя, являясь суперпозицией, выступает как условие, при котором совершается своего рода «выравнивание» отношений между участниками общения.

Семантическая формула субъекта высказывания, как показывает наблюдение, предполагает ее расширение за счет других систем отсчета, в том числе, системы ориентации реципиента. В рассказе Гуго Дитбернера «Die gebratenen Tauben» семантический субъект представлен ролью пациента: (1) «Gänsefüsschen machen mich verlegen. Es kommt nur dann vor, als verleumde der Autor seine eigenen Figuren. (2) Doch Gänsefüsschen gibt nicht allein in der Literatur! Da sieht man sie nur. Wie oft erzählt jemand eine Begebenheit und zitiert minutenlang wortwörtliche Aussagen, als habe er das Ge-

dächtnis eines Elefanten (deren Wortgedächtnis übrigens noch nicht hundertprozentig nachgewiesen ist)(Dittberner,S.37).

Развитие процесса имперсонализации, обеспечивающего выдвигание предмета изложения (Gänsefüsschen), определяет синтаксическую организацию обеих секвенций, в которых позиции субъекта занимают безличные и неопределенно-личные местоимения (es, jemand, man), обладающие свойством «псевдо-активности» [Болдырев 2000: 214]. В дискурсе действует противопоставление получателя (экспериенцера) и субъекта действия, обусловленное импликацией коммуникативной перспективы, о чем свидетельствует неопределенность наименований лица. В чередовании безличных и неопределенно-личных форм находят выражение различные синтаксические отношения, отношение *заместительности* (структурное es), отношение *генерализации* (man) или *неопределенной спецификации* (jemand).

Отсутствие необходимости отождествления субъекта действия с субъектом речи придает универсальность и «отстраненность» суждению. «Обсуждаемая» ситуация представляет собой в содержательном плане «ситуацию говорения», так как в позиции предиката в ней используются *verba dicendi*, однако, речь идет о ее дескриптивном представлении. Безличность высказывания «Doch Gänsefüsschen gibt nicht allein in der Literatur» противопоставлена неопределенной референции, свойственной наименованию субъекта (3) «Wie oft erzählt jemand eine Begebenheit und zitiert minutenlang wortwörtliche Aussagen, als habe er das Gedächtnis eines Elefanten (deren Wortgedächtnis übrigens noch nicht hundertprozentig nachgewiesen ist)». В структуре последнего высказывания неопределенность сменяется определенностью, свойственной местоимению третьего лица. Контекст высказывания, однако, свидетельствует, что определенность референции в этом случае мнимая, так как местоимение употреблено анафорически и свидетельствует о кореферентности обеих местоименных форм, jemand - er. Референционное пространство 3-го лица, к которому отсылает неопределенное указание jemand, удаленное от собеседников, способно использовать наиболее абстрактные экзистенциальные предложения. Ю.С. Степанов выделяет эту возможность в особый случай неопределенной референции, относящий высказывание к референту без детализации [Степанов 1988: 227].

В чередовании процессуальных форм субъектов находит отражение изменение прагматической матрицы дискурса, получающее выражение в нейтрализации субъекта действия с помощью неопределенно-личных и безличных местоименных указаний («расщепления» субъекта действия и субъекта коммуникации) и импликации авторской позиции (als verleumde der Autor seine eigenen Figuren), свидетельствующей о смене коммуникативной перспективы говорящего перспективой наблюдателя. Доказательством справедливости подобного утверждения является сохранение имплицитной коммуникативной перспективы с помощью ирреального сравнения в секвенции (2) «als habe er das Gedächtnis eines Elefanten». В том и в

другом случае сравнение служит реализации модуса, отсылающего к субъекту рефлексии. Выбор дистанцированной перспективы наблюдателя приближает автора к читателю, создавая ситуацию «равноудаленности» для обоих участников общения. Деятельностная перспектива рефлектора в сочетании с коммуникативной перспективой наблюдателя позволяет придать изображаемой ситуации характер фактической, отражающей некоторое действительное «положение дел».

Между безличностью и неопределенной референцией существует определенная корреляция, суть которой заключается в «устранении» пространственной определенности субъекта высказывания. Действительно, выбор неличной формы субъекта, который может интерпретироваться как отказ от первичной семантической модели («не-Я» - «не-здесь» - «не-сейчас»), снимает не только определенность личного, но и определенность пространственного и временного указания, что дает возможность расширить область референции до границ воображения. Процессы «делокутивизации», наблюдаемые при выборе неопределенной референции, свидетельствуют о системном характере дейктического указания и о возможности прочтения местоименной формы только в контексте, в которой она наполняется смыслом.

Возвращение в рассказе Г. Дитбернера к прототипической ситуации общения сопровождается акцентным выделением субъекта речи, что придает высказыванию подобие устного изложения. Способ, которым достигается «эффект присутствия рассказчика», состоит в акцентуации метапозиционального компонента текстовой семантики, выраженного глаголом с эпистемической семантикой:

(4) «Ich kenne Leute, das heißt: Herren, die Bücher zuklappen, in denen Gänsefüßchen stehen, und sie sorgfältig an den Rand ihrer Reichweite legen. So selbstsicher und hemmungslos bin ich nicht.

(5) Ich stelle mich meiner Verlegenheit. Denn diese Verlegenheit hat eine lange Geschichte, von der ich mich nicht ohne weiteres trennen will» (Dittberner, S.37) .

Выделенность дискурса в самостоятельный план обозначает намерение автора выйти из пространства событий, фактически следует говорить о границе секвенций, так как рефлексивный пассаж с выраженной эпистемической перспективой сменяется метакоммуникативным, что находит отражение в изменении семантического состава субъекта высказывания. В секвенции (4) субъект высказывания представлен формулой [Ssp + Sref], в секвенции (5) рефлексивный субъект приобретает качества рассказчика, берущего на себя функции управления процессом повествования, вследствие чего область рефлексии ограничивается «ситуацией рассказывания» [Ssp + Sref(narr)].

В начале повествования используется стратегия, имеющая целью саморепрезентацию персонажа, о чем свидетельствует аксиологический пре-

дикат в негативной сентенциальной форме «So selbstsicher und hemmungslos bin ich nicht». Сделанный автором выбор активной деятельностной ориентации имеет определенные преимущества, так как стратегическое действие позволяет читателю идентифицировать себя с синтаксическим отношением «рассказчик-персонаж», имманентным пространству событий. Одновременно сменой субъекта высказывания обозначается граница повествовательных планов, фиксирующая переход акта рассказывания в «историю».

Комбинация деятельностной и коммуникативной перспективы, находящая отражение в строении семантической формулы субъекта повествования, открывает, таким образом, более сложную картину отношений, так как обозначенные связи определяют прочтение местоименной формы в контексте всего повествования. Существенным изъяном эгоцентрической модели, как уже было отмечено, является ограниченность перспективы, так как позиция персонажа или рассказчика позволяет отразить только одно из возможных истолкований событий, доступное свидетелю происходящего. Определенным компромиссом становится выбор рефлексивной перспективы, в которой актуальность демонстратива *diese Verlegenheit* контрастирует с ретроспективной характеристикой *eine lange Geschichte*, имеющей специфический амбивалентный характер, ибо она отсылает не только к предыстории, но и направляет повествование к последующим эпизодам.

Сравнение дискурсивных секвенций (1) (2) (3) и (4) обнаруживает отношения взаимной детерминации, в которых находятся между собой используемые в семантике субъекта высказывания деятельностные и коммуникативные перспективы. Введение перспективы говорящего ограничивает деятельностную перспективу рефлектора, сводя ее к ситуации самопрезентации и саморефлексии. Другое ограничение введено демонстративом, с помощью которого обозначаются границы рефлексивного действия. Сохранение рефлексивной установки во всех четырех секвенциях оказывается возможным изменению коммуникативной перспективы от перспективы наблюдателя к перспективе говорящего. Доминирование рефлексии придает формирующейся нарративной инстанции субъекта статус «рефлектора», располагающегося за пределами событий (обратим внимание на производность повествовательной перспективы от комбинаторики деятельностных и коммуникативных перспектив).

Включение субъекта рефлексии в план «истории» сопровождается изменением фокализации с внешней, свойственной рефлектору, на внутреннюю, связанную с персонажем. Чередование приемов внутренней и внешней фокализации оказывается возможным в том случае, если в действие вступает коммуникативный модус, характеризующий то перспективу субъекта речи, то перспективу наблюдателя, что открывает новые возможности модулирующей перспективы изложения. «Открытость» перспективы наблюдателя означает, по сравнению с перспективой субъекта речи, боль-

шую свободу процессов «самофикционализации», в которых «духовный горизонт» участников общения совпадает с их личным опытом.

Одновременно с выделением повествовательных планов совершается операция «расщепления» субъекта высказывания: (6) «Sie begann an dem Tag, an dem meine Tochter zum ersten Mal mit einer ausführlichen Erzählung nach Hause kam und sehr lange Aussprüche eines Nachbarjungen wiedergab. Leider habe ich die Aussprüche vergessen (ich vergesse oft die Belege, wenn ich jemandem etwas nachweisen will) (Dittberner, S.38). В секвенции (6) субъект дискурса (ich) и субъект «истории» (meine Tochter) противопоставлены друг другу, что находит отражение во временных характеристиках повествовательных планов. Если «история» получает определение с помощью относительных временных характеристик (временной уровень, обозначенный рестриктивным придаточным «an dem Tag, an dem meine Tochter zum ersten Mal mit einer ausführlichen Erzählung nach Hause kam»), то измерение, недостающее для перспективизации акта рассказывания, вводится парентезой, которая в последовательности высказываний «Leider habe ich die Aussprüche vergessen (ich vergesse oft die Belege, wenn ich jemandem etwas nachweisen will)» выделяет временной интервал, служащий одновременно границей повествовательных планов. С помощью коммуникативной перспективы субъекта речи «обсуждаемый» мир получает возможность объединиться с «рассказываемым» миром на основе единства референции субъекта речи и субъекта событий. Обозначенные процессы получают отражение в следующих трансформациях субъектной формулы : [Sbeob + Shand] → [Ssp + (Shand >Sref)].

Дискурсивное «движение в прошлое» получает выражение с помощью глагольной временной формы перфекта, что означает сохранение границ повествовательных планов, несмотря на то, что местоименный субъект высказывания получает спецификацию внутри повествовательной перспективы как персонаж (субъект событий). Помещенная в перфектную рамку пропозиция получает статус объекта интендирования (факта), приближаясь тем самым к терму пропозициональной установки.

Граница «истории» обозначена другой морфологической формой времени, «знаком фикциональности», эпическим претеритом «nach Hause kam» [Hamburger 1968]. В отличие от «чистой формы» сюжета, в которой персонаж принадлежит автономному миру повествования, личная форма повествования преодолевает границы, в полной мере реализуя свойство амбивалентности субъекта, его обращенности к обоим планам повествования, дискурсу и «истории», определяющей его роль в качестве «ключевой позиции» повествовательного дискурса. В тексте повествования прорисовываются тем самым два плана, разделенные временем и принадлежащие двум различным моделям, различающихся субъектом высказывания. Одна из ситуаций, данная в модусе воспоминания, имеет формулу субъекта [Shand + (Ssp)], другая, характеризующаяся актуальным модусом, включа-

ет, кроме субъекта речи, субъект перформативного действия (комиссива vergessen) [Sperf + Ssp].

Существование двух планов изложения, акцентированных с помощью временных форм, позволяет рассказчику свободно перемещаться в обеих инстанциях, варьируя интенциональный рисунок повествования: (7) «*Mich irritierte und irritiert noch, wie sie erntfernte Ereignisse und Gespräche bis ins kleinste wiedererzählt. Ganz abegesehen davon, dass dies eine Zeitfrage ist; führt es dazu, aus der eigenen Wirklichkeit abzuschweifen und eine Neugier nach entlegenen Geschehnissen zu entwickeln, die einen in seinem Selbstbewusstsein und, ich betone das, Selbstgefühl nicht unbeeinträchtigt lassen*» (Dittberner, S.38). Неизменность деятельностной перспективы переносит акцент на грамматический временной модус, с помощью которого обозначен временной контраст между «историей» и дискурсом и которая разграничивает два употребления одного и того же предиката «vergessen», перформативное и дескриптивное.

Выход в позицию рефлексора из позиции персонажа-участника событий маркируется включением перформатива: (8) «*Ich will kurz andeuten, was ich damit meine. Während ich meiner Tochter zuhöre, erfasst mich oft der Impuls, dabei zu sein, in dieser Welt, aus der sie erzählt, oder wenigstens, da dies nicht möglich ist, nachträglich in Augenschein zu nehmen, wovon sie erzählt, wer in ihrer Erzählungen bestimmte Aussagen macht*» (Dittberner, S.38). В приведенном фрагменте генерализация событий достигается единством рефлексивного сознания рассказчика, выступающего в качестве основного субъекта высказывания. Перформативное (констатирующее) высказывание о намерениях вновь возвращает власть дискурсу рассказывания, в котором допустимы субъективные оценки и суждения. Субъект речи вновь становится центром эпистемического «пространства говорящего», в котором эксплицированы внутриязыковая (*damit, was, während, dabei*) и внеязыковая, принадлежащая объективному плану (*in dieser Welt*) соотносительность высказываний, основная в этом процессе отведена модальному глаголу, играющему особую роль в системе детерминантов в связи со свойственными ему диспозитивными характеристиками.

С использованием модальных глаголов связано ограничение объема значения предиката, вытекающее из семантической структуры модальных глаголов [Weinrich 1993: 297]. В этом случае отношение к значимости содержания превращается в «отношение к ценности информации». В эпистемической перспективе модальный глагол переживает определенную трансформацию, связанную с тем, что эпистемическое и модальное значение находятся в обратной зависимости друг от друга, усиление одного означает ослабление другого.

Дискурс и «история» в рассказе Дитбернера сближаются и расходятся, отражая использование различных способов регулирования процесса рассказывания, имеющих конечной целью управление вниманием адресата в

процессе понимания. Изменение семантических характеристик субъекта высказывания, как показывают наблюдения, отражает движение в «игре интенций», обозначая переход из ситуации восприятия в ситуацию рефлексии или отражая с помощью грамматической установки, выраженной глагольными формами времени, выбор одного из трех рефлексивных модусов, модуса воспоминания, модуса воображения или актуального модуса. Сближение или расхождение повествовательных планов сигнализируется сменой временных и пространственных указаний: (9) «Neulich absolvierte meine Tochter ihr *Berufspraktikum*. Seit einigen Jahren ist es an ihrer Schule üblich (was ich sehr begrüße), in der neunten Klasse alle Schüler ein vierzehntägiges Praktikum in einem Betrieb ihrer Wahl machen zu lassen» (Dittberner, S.38).

Выбор временного наречия *neulich* продиктован его относительной семантикой, в которой находит отражение незначительность временного интервала между событиями в плане «истории», и соотносительность временного указания со временем говорения, что свидетельствует о его использовании в дейктической функции, в семантике предлога *seit* реализуется сема позиционности, выделяющая соположение событий. Все обозначенные временные характеристики обретают смысл только в соотносительности с моментом рефлексии и говорения, обозначенным итеративной формулой *es ist üblich*.

Генерализованный смысл высказывания приобретает более конкретное звучание в соотносительности с авторским комментарием «was ich sehr begrüße». С помощью комментария реализуется способ фокализации, свойственный устному дискурсу, приближающий повествовательный дискурс к устной «ситуации рассказывания» и вписывающий его в матричную модель внешней по отношению к событиям коммуникации: «Verena, so heisst meine Tochter, hatte sich zu dem Praktikum in einem Tierheim gemeldet» (Dittberner, S.39). Динамическое равновесие системы повествования, нарушенное «открытостью» повествовательного дискурса, восстанавливается приемом «замыкания» системы. Появление имени персонажа в изложении становится конструктивным элементом основной новеллы, структура которой отличается от вводной части, служащей своеобразной преамбулой событий.

Свойственное рассказу движение внутри «структуры понимания» характеризуется двумя основными видами отношений, *ассонансом* и *диссонансом* модусов в последовательности дискурса. Ассонанс коммуникативных модусов находит выражение в переходе от прямых актов речи к косвенным, от утверждения к вопросу, выполняющему фактическую (контактоустанавливающую) функцию, что поддерживает и сохраняет связь с воображаемой «ситуацией рассказывания» в форме диалога с предполагаемым собеседником: (10) «Wir haben eine Schäferhündin, Pola, die sie sehr liebt, auch sonst ist sie sehr tierlieb. Warum sollte sie also nicht dies Praktikum

machen? Tatsächlich hat sie dort viel gelernt, zum Beispiel, und für sie besonders wichtig, was es für Krankheiten bei Schäferhunden gibt und wie man mit ihnen fertig wird». Диссонанс модусов получает выражение через чередование модуса воспоминания (Tatsächlich hat sie dort viel gelernt) и актуального модуса (Wir haben eine Schäferhündin, Pola, die sie sehr liebt, auch sonst ist sie sehr tierlieb), завершением которого становится нейтрализация модусов (wie man mit ihnen fertig wird»).

В выборе автором местоимения *wir* кроется, на наш взгляд, определенный компромисс, в соответствии с которым присутствие субъекта речи в качестве действующего лица повествования находит выражение в форме коллективного субъекта, благодаря чему реализуется намерение автора вывести субъект речи за пределы событийного пространства (обозначив его позицию как рефлектора). Введение коллективного субъекта означает включение в «игру интенций» отношения интерсубъективности. Исключение из структуры общения межличностных отношений ограничивает возможности дискурса повествования формой коллективного субъекта, различные возможности прочтения которой, эксклюзивная (*ich + er*) и инклюзивная (*ich+du*), определяют модусную рамку нарративного смысла. Связь наррации с «истории» в этом случае совершается через включение субъекта речи в число участников событий (путем своего рода «аннигиляции»). В другой, безличной форме коллективного субъекта «*man*» находит выражение значимое отсутствие субъекта речи, сигнализирующее о выходе в перспективу наблюдателя.

Выраженная апелляция к собеседнику, типичная для устного рассказывания и служащая целям солидаризации и кооперации с другими участниками общения, свидетельствует в случае употребления местоимения «*wir*» об использовании «открытой» коммуникативной формы, имитирующей ситуацию естественной коммуникации. В отличие от традиционного повествования стилизованное в соответствии с нормами устной «ситуации рассказывания» повествование включается в процесс «дискурсивизации», в котором участвуют, кроме субъекта *wir*, модальные модификаторы *tatsächlich*, аппозиции *eine Schäferhündin, Pola*, вопрос. Использование «открытой» коммуникативной перспективы означает вместе с тем определенный компромисс, демонстрирующий отказ от более совершенной и сложной формы общения с перспективой наблюдателя.

Следующий поворот в сюжете разрушает это обманчивое сходство, заставляя следовать за стратегиями адресанта, вновь меняющего локутивную позицию и переходящего из прагматического измерения «автор – рассказчик», в синтаксическое измерение «рассказчик-персонаж», свойственное «закрытой» системе : (11) «Eines Mittags (so hatte ich Zeit, bis am Nachmittag die Arztpraxen wieder öffnen würden) setzte ich mich ins Auto und fuhr zum Tierheim. Es war viel kleiner, als ich erwartet hatte, nicht mehr als ein frischgestrichener, etwa zweihundert Quadratmeter grosser Flachbau mit etlichen

hoch umzäunten Gehegen. Den Aussenzwingern». «Замкнутость» нарративной структуры подчеркнута формой плюсквамперфекта *hatte erwartet*, «позиционным временем», относящимся к временным средствам серии Б (выражающим отношение «раньше-позже»). Выдвижение на передний план событийного и предметного плана изложения служит тематизации структуры действия [*Shand + (Ssp)*].

Импликацией коммуникативной перспективы подготавливается завершающая фаза изложения, включающая вставной эпизод (интрадиегетическое повествование), обладающее значительно большей самостоятельностью по сравнению с предшествующими фазами. Рассказ о «жареных голубях» включает в качестве «переднего плана» изложения авторскую рефлексивную профессиональную карьеру дочери героя. Связность событий во вставной новелле создается текстовой форикой, в выражении которой существенная роль принадлежит притяжательным местоимениям : (12) «*Der Heimleiter, Georg Paltian, war ein kleiner, sehner Mann , der unter einer Schirmmütze ein schiefes, dunkles und tiefporiges Gesicht hatte. Sobald man ihn ansah, meinte man, die linke Seite: das Auge, der linke Nasenflügel, der Mundwinkel hingen etwas herab und zögen den Kopf zur Seite. Seine Hände waren auffällig gross: die Hände hielt er ständig seitwärts, als streckte er sie zu irgendwelchen Tieren aus, die sich daran anschmiegen würden. Ich sah diese Szene vor mir, obwohl ich sie nicht tatsächlich beobachtete*». Выбор неопределенно-личного местоимения *man* свидетельствует об имперсонализации (выборе перспективы наблюдателя), структура контекста представляет субъект действия как объект восприятия (данный в модусе воспоминания). Декриптивное употребление глагола «*sehen*» не противоречит его роли в эпистемической установке, формирующей акт рассказывания.

Коммуникативная перспектива наблюдателя, как можно видеть, использует нейтральное значение точки *Origo*, благодаря которому она может быть помещена в любую позицию в потоке событий. Использование наблюдателя порождает эффект «*окружения*», о котором пишет М.Бахтин и с которым связана возможность создания пространственного «образа героя». Эффект «*окружения*» противопоставлен эффекту «*кругозора*», свойственного перспективе говорящего.

Портрет участников событий, зрителя приюта для животных и его жены, содержит сравнительное описание, созданное антитезой, содержание которой образует манера поведения, свойственная обоим персонажам: если мужчина поражает рассказчика отсутствующим выражением глаз (*Sie (Augen) hatten keinen Blick... sie waren blicklos*), то взгляд женщины, напротив, наделен исключительной выразительностью (*Ihr Blick war so intensiv, als müsse sie für ihren Mann mitblicken*). Эта завершающая изложение секвенция демонстрирует различие в организации способа рассказывания: «*Sobald man ihn ansah, meinte man*» и «*Ich sah diese Szene vor mir, obwohl ich sie nicht tatsächlich beobachtete*».

Параллельное употребление форм «Sobald man ihn ansah» и «Ich sah» создает дополнительный эффект, определенный различием форм. Если в употреблении неопределенно-личного местоимения получает выражение отсутствие идентичности субъекта изображаемого действия с субъектом речи, что выдает его принадлежности «включенному рассказу», то в структуре местоименного субъекта «Ich» находит отражение связь с «ситуацией рассказывания» (т.е. тематизация структуры коммуникации дискурса).

Референция местоимения «wir» в следующей секвенции, сменяющего форму «man», специально оговаривается рассказчиком (wir, das waren nur die Frau und ich), завершает становление плана «истории», в котором соотношение повествовательных планов не подвержено изменениям. Преобладающими пропозициями плана «истории» становится X-тип [Barwise, Perry 1987: 47], имеющий в позиции субъекта высказывания референт «sie» или «er». Возможность активного влияния рассказчика на события заметно ослабевает, так как коммуникативная перспектива субъекта речи уступает перспективе наблюдателя, суперпозиции, позволяющей переносить центр ориентации в позиции персонажей, как, например, в следующем фрагменте рассказа, открываемом высказыванием: «Sie wusste, dass Hunde Rassen und Völker unterscheiden können».

Местоимение третьего лица фиксирует выбор автора в пользу перспективы субъекта рефлексии и наблюдателя, что отражает направленность вектора интенциональности от внутреннего мира героя к внешнему миру, однако, состояние внутреннего мира оценивается с позиции всезнающего и всеведущего Эго (что сохраняет «внешнюю» фокализацию событий). В местоимении sie и эпистемической установке содержится особая характеристика повествовательной перспективы, бахтинская «позиция вне-находимости». Автор использует внутреннюю дистанцию, которая создается благодаря способности наблюдателя видеть события с разных точек зрения, вбирая и аккумулируя их, что придает ей мобильность и способность служить синтезу разных перспектив.

В последовательности высказываний, принадлежащих плану «истории», преобладает формула [Shand + Sbeob] : «Marianne liess sich ebenfalls nieder und setzte sich neben Georg. Die Hunde in den Zwingern sahen erstaunt zu ihnen herüber. Sie waren auf einmal viel grösser, obwohl sie abgemagert und erschöpft waren. Sie konnte ihnen nicht ins Gesicht sehen» (Dittberner, S.45). Актуализация перспективы наблюдателя отражает ту внутреннюю дистанцию, которая свойственна ситуации наблюдения. Благодаря коммуникативной перспективе наблюдателя субъект письма имеет возможность проникновения во внутренний мир героя, сохраняя способность видеть происходящее «извне». Свобода повествовательной перспективы, создаваемой включением перспективы наблюдателя, как следует из сделанных наблюдений, заключается в ее способности пересекать границы повествователь-

ных планов и выстраивать «модальности изложения» в зависимости от авторской интенциональной программы.

Обобщая сделанные наблюдения, можно отметить высокую степень подвижности семантики местоименных форм, которые, при внешней тождественности, раскрываются в каждой отдельно взятой секвенции как не-тождественные в семантическом отношении знаки. Семантическое наполнение субъектных позиций отражает выбор деятельностных ориентаций и коммуникативных перспектив. Внутри выделенных парадигм наблюдается отчетливая асимметрия, так, в деятельностной парадигме субъект физического действия противопоставлен субъектам восприятия и рефлексии как принадлежащий диктуму. В системе коммуникативных ролей перспектива наблюдателя противопоставляется ролям говорящего и слушающего как более высокая по рангу и способная замещать обе коммуникативные позиции.

Представленные в речевых действиях и способах их контекстуализации с помощью средств индексальности (дейксиса и модусной рамки) вербальные алгоритмы поведения связывают намерения и цели автора с ситуацией общения, функция этих действий, понимание условий, в которых они являются успешными, вписывает вновь возникающие концептуализации в структуру человеческого знания о мире.

Особенности использования системы *Origo* в качестве прагматической переменной в позиции субъекта высказывания обнаруживаются в ходе анализа явления, получившего в современных морфологических исследованиях название «кумуляция». Явление кумуляции связано с асимметрией между планом выражения и планом содержания, следствием которой становится способность лексических и грамматических значений содержать несколько элементарных смыслов в одной элементарной форме [Плунгян 2000: 40]. Известные образцы кумуляции демонстрируют морфологические показатели падежных форм, в глагольной парадигме кумулятивный эффект наблюдается в граммемах вида, времени и наклонения. В этом свойственном морфологическим и лексическим фактам явлению В.А. Плунгян видит отражение прагматической обусловленности языковых процессов, влияния постоянного конфликта интересов говорящего и адресата. В то время как интересы говорящего реализуются в стремлении к дифференциации значений, обеспечивающей «синтагматическое удобство» (следствием чего становится фузия и развитие кумулятивных процессов), интересы адресата не получают должного удовлетворения : адресат оказывается перед проблемой отождествления единиц с общим значением, но разным планом выражения.

Исследование семантических модификаций местоименных форм в последовательности высказываний позволяет говорить о проявлении в них *процессуальной кумуляции*, обеспечивающей возможности идентификации субъектов общения с моделируемыми коммуникативными ролями, что является необходимым условием для процесса «самофикционализации». Процессуальная кумуляция, характеризующая процедуру «полагания

субъекта» в дискурсе, становится условием успеха кооперативного действия рефлексии и саморефлексии в процессе письма-чтения.

Подводя итоги, можно утверждать, что дискурсивные феномены обусловлены тенденциями к поиску прагматически обусловленных компромиссных решений, обеспечивающих успешное протекание интеракции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской литературы, 1999.- 896 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.- 360 с.
3. Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка: Языки пространств. М.: «Языки русской культуры», 2000. - С. 212-226.
4. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2000.- 528 с.
5. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
6. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153-211.
7. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 239- 320
8. Зинченко В.П., Гордон В.М. Методологические проблемы психологического анализа деятельности // Системные исследования - 1975. М.: Наука, 1976. - С. 82-127.
9. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.,1998.- 528 с.
10. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М.: Высшая школа., 1990. – 152 с.
11. Кибрик А.Е. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. Вып. X1. М.:Прогресс, 1982, С. 5-36.
12. Кошелев А.Д. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. Спорное в лингвистике. Вып.1. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 10-202.
13. Кравченко А.В.Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. Из-во Иркутского ун-та. 2004. – 206 с.
14. Крылов С.А., Падучева Е.В. Дейксис// Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. М.:Наука,1992, С. 154-266.

15. Куайн У. ван . Слово и объект. М.: Логос. Праксис. 2000. – 386 с
16. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. М.: Языки славянской культуры. 2003 – 400 с.
17. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М. : Прогресс, 1992 – 272 с.
18. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.:ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
19. Онипенко Н.К. Грамматические категории в тексте // Лингвистика на рубеже эпох. Идеи и топосы. М. 2001. С. 89-116.
20. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.- 464 с.
21. Плуныян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. Москва: Эдиториал УРСС. – 2000. – 383 с.
22. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988.-С.52-92.
23. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
24. Хабермас Й. Моральное сознание и коммуникативное действие. СРБ: Наука, 2000. -377 с
25. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. М.:Азбуковник. 1998.- 176 с.
26. Шмидт З.Й. «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978,С.89-108.
27. Barwise, J., Perry, J. Situationen und Einstellungen. Grundlagen der Situationssemantik. Berlin – New York: Walter der Gruyter, 1987. – 430S.
28. Beaugrande, de Robert Alain /Dressler, Wolfgang Ulrich. Einführung in Textlinguistik. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1981.- 230S.
29. Bierwisch, M. Richtungen der modernen Semantikforschung / hrsg.von W.Motsch. Berlin: Akademie Verlag, 1983. – 425S.
30. Brandt, M., Rosengren, I. Zur Illokutionsstruktur von Texten. In: LiLi. Textlinguistik. Jahrgang 22/1992, Heft 86. Siegen: Vandenhoeck&Ruprecht, S.9-51.
31. Brinker, K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin : E.Schmidt, 1992. – 206 S.
32. Gülich, E, Raible W. Linguistische Textmodelle. München:Fink. 1977. – 353S.
33. Gülich, E./ Meyer-Hermann, R. Zum Konzept der Illokutionshierarchie . In : Rosengren, I. Sprache und Pragmatik. Lunder Symposium. 1982. Stockholm: Almquist&Wirksell, 1983, S.245-261
34. Habermas, J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt: Suhrkamp, 1984. – 605S.
35. Hamburger , K. Die Logik der Dichtung. Stuttgart: Ullstein, 1980. – 301S.

36. Heinemann, Wolfgang, Viehweger, Dieter. Textlinguistik. Eine Einführung. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1991. –310S.
37. Heinemann, M, Heinemann W. Grundlagen der Textlinguistik. Tübingen Max Nimeyer Verlag, 2002.- 279 S.
38. Isenberg, Horst. Einige Grundbegriffe für eine linguistische Texttheorie. In: Daniel, Frantisek / Viehweger, Dieter (eds). Probleme der Textgrammatik. Studia grammatica XI Berlin. 1976, S. 47-146.
39. Krusche, D. Alterität und Methode. Zur kommunikativen Relevanz interpretatorischer Verfahren. In: LiLi. Jahrgang 28, Heft 108, Juni 1998, S. 58 – 75.
40. Klein, W., Stutterheim, Ch. von. Textstruktur und referentielle Bewegung. In: LiLi, Zeitschrift für Literatur und Linguistik. Textlinguistik / Hrsg. von H.Kreuzer. Jahrgang 22/1992, Heft 86, S.67-89.
41. Labov, W./ Waletzky, J. Erzählanalyse: mündliche Versionen persönlicher Erfahrung. In: Ihwe, J. (ed.) Literaturwissenschaft und Linguistik 1. Frankfurt: Suhrkamp, 1973, S.78 - 126.
42. Metzelin, M., Jaksche, H. Textsemantik. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1983.-207S.
43. Motsch, W./Reis, M., Rosengren, I., (eds). Zum Verhältnis von Satz und Text. In: Deutsche Sprache 2., 1990, S. 97-125.
44. Motsh, W. Überlegungen zur Textkompetenz. In: LiLi. Textlinguistik. Jahrgang 22/1992, Heft 86. Siegen: Vandenhoeck&Ruprecht, S.52-89.
45. Sasse, G. Das kommunikative Handeln des Rezipienten. Zum Problem einer pragmatischen Literaturwissenschaft. In: Handeln, Sprechen und Erkennen. Zur Theorie der Pragmatik/ Hrsg. von G.Saße und H.Turk. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1978, S. 101-139.
46. Searle, J.R. Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay. Frankfurt: Suhrkamp, 1976. – 305S
47. Schmidt, S.J. Texttheorie. Probleme einer Linguistik der sprachlichen Kommunikation. München: Fink, 2000. – 184S.
48. Viehweger, D. Sequenzierung von Sprechhandlungen und Prinzipien der Einheitenbildung im Text. – In: «Studia grammatica»XXII/Hrsg. R.Ruzicka und W.Motsch, Berlin, 1983, S. 88-103.
49. Weinrich, H. Sprache in Texten. Stuttgart: Klett, 1976. – 356S.

ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Hartlaub Geno. Mein Luftschloß. In: Neunundzwanzig Kurzgeschichten aus der „Zeit“ von Dieter E. Zimmer [Juan Benett ...] – 1. Auflage. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1981. S.88-97.
2. Dittberner Hugo. Die gebratenen Tauben. In: Neunundzwanzig Kurzgeschichten aus der „Zeit“ von Dieter E. Zimmer [Juan Benett ...] – 1. Auflage. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1981. S. 37-47.

Материалы, рекомендованные для самостоятельной проработки

1. Ролан Барт. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц.. сост.. вступ. ст. Г.К. Косикова. - М: ИГ Прогресс, 2000. - с. 196–238.

Р. Барт предлагает собственное понимание дискурса как определенным образом организованную совокупность предложений с собственным набором единиц, собственными правилами и собственной «грамматикой».

2. Х.Л.Борхес. Вымыслы. Расследования. В 2-х книгах. СПб: Амфора ТИД Амфора, 2009. - 939 с.

В издание вошли лучшие эссе Хорхе Луиса Борхеса, содержащие рассуждения о культе книг, о художественном языке и мифологическом плане современной прозы, о магии повествовательного искусства. Источники магии повествования Х.Л.Борхес видит в созданных языком деталях повествования, полных предзнаменований.

3. У. Эко. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб: ИД «Петрополис», 1998. – 432с.

Предлагаемое У.Эко понимание процессов, создающих повествование, как кодов, участвующих в семиозисе, процессе использования знаков, приводит автора к пониманию коммуникации как трансакции, взаимодействия и соглашения в этом диалоге, достигаемого автором и читателем.

Учебное издание

Данилова Нина Константиновна

**ДИНАМИКА ПОВЕСТВОВАНИЯ
(ОПЫТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА НАРРАТИВА)**

Учебное пособие

Публикуется в авторской редакции
Титульное редактирование *Л. А. Кнохиновой*
Компьютерная верстка, макет *Н. П. Бариновой*

Подписано в печать 10.08.15. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Усл.-печ. л. 3,0; уч.-изд. л. 3,25. Гарнитура Times.

Тираж 100 экз. Заказ № 2463.

Издательство «Самарский университет», 443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. 8 (846) 334-54-23.

Отпечатано на УОП СамГУ.